

Лина Кэрл

ТАЙГА Колыбель

Лина Кэрл

Тайга. Колыбель

«Автор»

2026

Кэрл Л.

Тайга. Колыбель / Л. Кэрл — «Автор», 2026

Возвращение домой должно было стать покоем для Хранительницы тайги и Вожака волчьего клана. Они счастливы, ждут ребенка. Но для Создателей миров покой — это порядок, а дитя Хранительницы и оборотня может нарушить все законы. Вожаку дан всего один лунный цикл на поиски жены. Одна ночь на спасение. Одна битва, где на кону не только семья, но и все волчьи кланы.

© Кэрл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Тайга. Колыбель

Глава 1

Неделя прошла после возвращения домой. Ровно неделя тишины, в которой было лишь дыхание тайги, тепло Марка и ощущение новой жизни внутри меня.

А потом на нас обрушился неведомый мир.

Дом трещал по швам от голосов, смеха, запаха чужих духов. Казалось, сама планета вывернула свои карманы, чтобы высыпать в наше убежище всех, кто когда-либо слышал имя Марк Велозаров. Его родные, друзья и знакомые сочли всенепременным долгом нанести визит и выразить почтение новоиспеченным молодоженам.

Из леса, словно из воздуха, материализовался остроконечный великан Калгама¹, одаривший нас охотничьими трофеями. Из горных рек явились урулы² — водяные духи с переливчатой кожей, оставившие на столе самоцветы. По потолку, не обращая внимания на гравитацию, скользили воздушные албасты³, рассыпая в воздухе искры добрых предзнаменований.

Гости съезжались со всех концов света. Из канадской глухомани прибыли лохматые вервольфы⁴. Они говорили с акцентом, в котором слышался вой северных ветров. Из Европы пожаловали более утонченные, почти аристократичные лугару⁵. Даже двое дружелюбных леших⁶ из заповедных алтайских чащоб притащили в дар целительный корень мандрагоры.

Я стояла у большого окна гостиной в платье из атласа и тончайшего ажюра. В этом наряде я выглядела белой лилией, которая вот-вот зачахнет от обилия гостей.

Я улыбалась без остановки. Улыбалась тете Марка из Лос-Анджелеса, похожей на составившуюся кинозвезду. Улыбалась его троюродному брату из Трансильвании, который с почти-тательным любопытством принимался к моему «беременному» запаху и вежливо отпивал из бокала шампанское. Улыбалась саамскому Нойду⁷ — старику в одеждах из оленьих шкур, курившему трубку у цветочной оранжереи.

Самым ярким гостем оказался якутский Тойон⁸. Когда этот исполин в мехах вошел в зал, на мгновение смолкли даже самые громкие голоса. Он тихо приблизился к Марку, и они обменялись долгими взглядами. Тойон протянул что-то небольшое, завернутое в кожу. Марк принял дар и улыбнулся. Я тоже почтительно растянула губы, и Тойон приветственно склонил передо мной голову.

¹ Дух — хозяин леса у народов Приамурья (нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, маньчжуров). Представлялся великаном с остроконечной головой (как колпак), двумя пальцами на руках и копытами на ногах.

² Собирательное название для духов воды у разных народов. В тюркской и монгольской мифологии — хозяева вод, подводного мира, покровители рыбаков. Этимологически связано с тюркскими словами, означающими «ручей» или «река». У алтайцев, тувинцев и якутов упоминаются водяные духи, близкие к русалкам.

³ Персонаж тюрко-татарской мифологии; дух, связанный с водной стихией.

⁴оборотни-волки. В европейской традиции — человек, превращающийся в волка (волкоподобное чудовище).

⁵ Франкоязычный вариант названия оборотня (от фр. *loup-garou*). В европейской традиции — человек, превращающийся в волка. В современной литературе часто используется для обозначения «элитных» или старых кланов оборотней.

⁶ В славянской мифологии — дух, хозяин леса. Представляется добрым старичком, который может помогать путникам, а может запутывать и уводить в чащу.

⁷ Саамский шаман. Термин происходит от северосаамского *noaidi*. У саамов (лопарей) нойды — шаманы, которые могли общаться с духами, предсказывать будущее, исцелять болезни, вызывать или успокаивать бури.

⁸ Высший дух, хозяин, управляющий миром. В якутской мифологии — могущественный глава верхнего мира, покровитель шаманов и «отец воронов». Якутский Тойон (Улу Тойон) считается воплощением творческой, но грозной силы: по легендам, он передал людям огонь и наделил их душой.

Из оранжереи доносились дивные аккорды виолончели, сливавшиеся с мелодией рояля. Классическая музыка — знакомая и неуловимая — лилась по залу, создавая странный, почти сюрреалистичный контраст с диковинными фигурами гостей.

Голоса стихли, превратились в шепот, когда в дверном проеме появился он.

Лицо сосредоточенное, напряженное. Смуглая кожа, коротко стриженные, но все равно непослушные черные волосы с челкой набок. Темный, идеально сидящий костюм. Воротник рубашки расстегнут на одну пуговицу больше, чем того требовал протокол. На галстук он тоже плевать хотел.

Во всем облике — легкая, неисправимая небрежность, все та же, что была несколько лет назад у парня из параллельного класса.

Алекс вошел, и его взор скользнул по залу. Вот он увидел меня. Замер. В карих глазах мелькнул шок, за ним — боль, нежность и как будто старое восхищение. Он перевел взгляд на Марка. Их немая дуэль длилась несколько секунд...

В зале повисла тишина. Пальцы Велозарова сжали мои, и я почувствовала, как по его руке, словно по проводу, пробежал ток — тихий грохот ярости, тут же взятой под контроль.

Внезапно возникшая Мария легко взяла Алекса под локоть, что-то ему прошептала, и он позволил увести себя в сторону.

Шум возобновился.

Чувствуя напряжение Марка, я постаралась его успокоить — поднялась на носочки и прошептала:

— Люблю тебя. И очень устала. Может, отойдем в тихое место? Мне нужен свежий воздух.

Он медленно перевел на меня взгляд, кивнул коротко и почти невидимо. Его пальцы ослабили хватку.

— Да. Конечно.

В этот момент перед нами появилась тетушка Марка из Америки — Тереза Велозарова.

— Маркуша! Малыш мой! — ее низкий голос перекрыл остальные звуки. — Наконец-то могу вас искренне поздравить! — Она обняла Марка, оставив на его щеке след от помады, и повернулась ко мне с театральным восторгом. — Это и есть та самая Хранительница Тайги? Милана? Просто очарование. Такая... милашка. Совсем не похожа на ту, кого я представляла из рассказов.

Ее взгляд ощупал меня с головы до ног, задержался на животе, и в светло-карих глазах мелькнуло что-то недовольное.

Она снова заулыбалась.

— Настоящий воин сделал выбор, я вижу. Серьезный шаг, Марк. Особенно сейчас, — она многозначительно посмотрела на меня, а затем — в сторону, где минуту назад стоял Алекс. Ее тон был сладким, но с легким укором. — Надеюсь, ты всё продумал, дорогой. Для себя и для будущего клана. Твой отец всегда говорил, что сила рода — в чистоте крови и верности традициям. Но времена меняются, не так ли? — она вздохнула с притворной печалью.

На лице Марка застыло выражение напряженной вежливости. Я же чувствовала себя так, будто меня только что осмотрели, оценили и вынесли безжалостный вердикт — не соответствует стандартам. От духов тетушки и ее сиропного голоса закружилась голова.

Марк, кажется, понял мое состояние. Он ловко перехватил инициативу, слегка отодвинув родственницу в сторону.

— Спасибо за поздравления, тетя, но мы вынуждены удалиться. Милане нужен воздух.

Тереза удивленно приподняла брови.

— Конечно-конечно! Свежий воздух так полезен в ее положении, — она снова фальшиво улыбнулась, а глаза холодно сощурились. — Только смотри не простуди свою драгоценность.

Хрупкие создания, знаешь ли, требуют особой заботы. Если, конечно, твоя жена хочет выносить и родить здорового наследника.

Марк, не отпуская моей руки, двинулся к выходу, оставив Терезу посреди шумного зала.

Хвойный ноябрьский воздух ударил в лицо, но стал бальзамом после душной гостиной. Я сделала глубокий вдох, и легкие наполнились чистым, морозным ароматом тайги.

Мы стояли на просторной террасе из стекла и полированного белого гранита. Ее украшали причудливые ледяные скульптуры — лисы, волки, олени, внутри которых мерцали огоньки, превращая фигуры в хрупкие сияющие призраки. Терраса была похожа на нос корабля, плывущего в темном море леса.

Дорожки, убегающие вглубь парка, окаймляла полоса теплой золотистой подсветки. На одной из таких дорожек на мгновение замерла массивная фигура Романа — личного охранника Марка. Он обернулся, оценивающе посмотрел в нашу сторону и растворился в тени деревьев. Чуть дальше возник силуэт второго охранника — Кайла. Увидев нас, он сделал несколько быстрых шагов вперед, но Марк едва заметно поднял руку, останавливая его. Молча кивнув, Кайл отступил, снова превратившись в бдительную тень.

Велозаров бережно, почти церемонно накинул мне на плечи длинную накидку из густого меха и натянул на голову глубокий капюшон, отгораживая меня от мира мягкой пеленой.

— Дыши глубже, — голос Марка прозвучал тихо, и в отраженном свете ледяных скульптур я увидела, как морщинки у его глаз углубились от беспокойства. — Ты побледнела. Всё в порядке?

Я кивнула и прижалась лбом к его груди.

— Да, всё хорошо. Просто народа многовато. — Я помедлила, подбирая слова. — Марк... насчет Алекса. Ты не должен переживать. Выбор сделан давно. — Я осторожно положила руку на его грудь, чувствуя под ладонью мощный стук сердца.

Велозаров взял мою ладонь, прижал к своим губам и долго смотрел мне в глаза. Его взгляд был серьезным, пронизательным, лишенным гнева, но всё еще тяжелым.

— Я знал, что Азаров приедет, — сказал он наконец. — Более того, готовился к этой встрече. Но я помню и то, что он до сих пор любит тебя. Любит сильно. И будет любить всегда. Это в его природе.

Мне захотелось возразить, но Марк мягко перебил:

— Азаров не конкурент мне. Никогда им не был и не будет. Но его лучше держать на расстоянии. И не потому, что чувствую в нем соперника. Его боль, ревность витают вокруг него, как магнитное поле. Тебе будет некомфортно. Особенно сейчас.

Взгляд Марка скользнул вниз, к едва заметной округлости моего живота, и в глазах вспыхнула тревога, которую он в последние дни тщательно скрывал.

— Тогда зачем он здесь? — тихо спросила я. — Если ты хотел оградить меня, почему позвал?

Марк резко выпрямился. Было заметно, что ему неприятно говорить об этом.

— Я не звал, точнее не планировал никакого торжества сегодня. — Он обернулся на освещенные окна, за которыми мелькали силуэты. — Я желал тишины, покоя для тебя. Завтра мы улетаем в Хабаровск, чтобы пройти полное обследование: необходимо удостовериться, что с тобой и ребенком всё хорошо, — он снова посмотрел на меня с неподдельной заботой. — Тебе нельзя нервничать перед полетом, но меня не спрашивали. Сообщения о приезде гостей посыпались ночью. Никто из присутствующих не принимал отказа. И уж точно я не собирался устраивать нашу с Азаровым встречу. Но... — губы Марка сжались в тонкую недовольную линию, — настояла Тереза.

— Кажется, я ей не понравилась. Она смотрела на меня, как на недоразумение. И говорила о традициях, крови... Кто она? Ты раньше о ней не рассказывал.

Марк закрыл глаза, будто собирался с мыслями, а потом, обняв меня за плечи, ближе притянул к себе. Мы дружно перевели взгляд на наш дом, ставший внезапно чужим и громким.

— Тереза Велозарова, — начал Марк медленно. — Сестра моего отца. Последняя из старшего поколения, кто носит нашу фамилию.

В свете, падающем из окон, я уловила в выражении лица Марка уважение и усталое недовольство.

— После гибели отца она взяла надо мной опеку. Увидела, что я становлюсь помехой для старшего брата, Виктора, его конкурентом, и посоветовала выход. Настояла на моей учебе в Москве, а потом предложила место жоака в своих владениях — калифорнийских лесах. Она дала мне шанс уйти из тайги с достоинством, а не быть изгнанным или сломленным. Я ей за это благодарен.

— Но ты не уехал, — тихо сказала я.

Вместо ответа Марк покачал головой, и губы его тронула чуть заметная улыбка.

— Судьба распорядилась иначе. Я остался здесь. А ей, как и раньше, нужен наследник. Детей своих нет. И тут очень кстати подвернулся Алекс. Она видит в нем потенциал, он... не против. Да и я только за. Пусть едет, строит свою жизнь. Так будет лучше для всех. Тереза попросила меня позвать его, и обижать ее, отказывать в просьбе было бы неверно. Тетя знает о его чувствах к тебе: как и я, она владеет телепатией, только более мощной.

Марк мог читать мысли всех, кто его окружает, кроме моих. Жаль, что, оказавшись в семнадцатом веке, вдали от нашей тайги, он ненадолго утратил эту способность. С этим умением нам было бы гораздо проще добираться домой, минуя все ужасы той дороги...

— Ей нужно лично убедиться, что мы с Азаровым не стали врагами, что в клане мир, — нарушил мои воспоминания Марк. — Тереза хочет присутствовать при нашем разговоре. Они здесь всего на неделю. — Марк мягко коснулся рукой моего подбородка, заставляя встретиться с его взглядом. — А мы завтра улетаем. По возвращении я поговорю с ними. И ты больше его не увидишь.

Я слушала, и кусочки мозаики складывались в новую, менее зловещую картину. Это была тонкая игра родственных обязательств и старой благодарности. Но теперь появилось новое волнение.

— Если Тереза знает о моих отношениях с Алексом, значит, злится, что я встала между вами? — осторожно спросила я.

— Никогда не было никаких «вами», — голос Марка прозвучал твердо, но без злости. — Мы с Терезой давно решили, что после школы он уедет в Америку. Но он об этом не знал. А потом... — Марк замолчал, и взгляд его на миг стал далеким, будто он увидел события трехлетней давности. — Потом Азаров вспылал любовью к юной Хранительнице тайги и решил сбежать, нарушив наши планы. Меня это взбесило. Я не хотел убивать, только сломить его волю, заставить подчиниться, но вмешалась ты. Зато теперь Алекса здесь ничего не держит, у него прекрасная перспектива. Так что в какой-то мере он должен быть тебе благодарен. А что до Терезы... она не злится. Она сомневается в правильности моего решения, которое ставит крест на «чистоте» нашей линии здесь, в России. Ее мотивы в целом не злые, просто очень устаревшие. И эгоистичные. Она хочет обезопасить будущее — свое и, как ей кажется, наше с тобой. — Марк осторожно провел большим пальцем по моей щеке, смахнув налипшую снежинку, а потом коснулся ресниц. — Именно поэтому я и согласился на это нашествие. На всю эту... нечисть.

Он кивнул в сторону ярко освещенного дома.

— Это не просто этикет, родная. Это безопасность. Для тебя и нашего «Малого солнца». — Его ладонь легла на мой живот, будто защищая его. — Каждый, кто сегодня переступил этот порог, должен увидеть тебя. Признать моей законной женой. Запомнить твой запах, статус.

Если со мной что-то случится, — он произнес это быстро, будто отгоняя самую мысль, — они будут обязаны прийти на помощь. Их признание — это твоя страховка. Наша страховка.

Услышанное заставило меня вздрогнуть, осознать масштаб происходящего в зале. Этот шумный праздник на самом деле был актом утверждения власти и наложения обязательств.

— Марк, — я просунула руки ему под фрак и подняла голову. — Если всё так... если это важно для тебя, для нашего будущего, безопасности... Тогда я перетерплю. Никаких ссор с Терезой. Подумаешь, малюсенькая неделя. К тому же в роли невестки мне еще быть не доводилось, — улыбнулась я, пытаюсь пошутить и поднять ему настроение. — Говорят, свекрови немного ворчливые, но умеют быть полезными.

В янтарных глазах вспыхнули лучики игривости и такая нежность, что у меня побежали мурашки по коже.

— Моя мудрая Хранительница, — Марк поправил капюшон, тщательно укутывая пряди моих волос, и его пальцы задержались на моем подбородке, — ты не должна терпеть. Ты моя жена. Хозяйка этого дома. Мать наследника Велозаровых. Держись с достоинством, которое у тебя есть от природы. Этого будет достаточно, чтобы закрыть рот любой ядовитой родне.

Я кивнула, прижимаясь лбом к его плечу. Хорошо, что фокус разговора переместился с Алекса на Терезу. Кажется, Марк успокоился, а значит, Азарову ничего не угрожает. Когда я увидела его, в душе вспыхнуло острое чувство, но это были не отголоски прошлой любви. Скорее, ощущение вины. Сильной вины. Мне так и не удалось с ним объясниться три года назад. Может, и хорошо, что такой шанс появился сейчас? Я обязана попросить прощения, и возможно, удастся подобрать нужные слова... Не для того, чтобы вернуть прошлое, а чтобы отпустить. Пусть его долгая жизнь не будет отравлена моим предательством, которого, по правде говоря, и не было.

— Тогда идем. Закончим этот ритуал. А потом — только мы, тишина и Кайл с Романом по периметру.

За тихим смехом я постаралась спрятать беспокойство, все еще таящееся в глубине души.

— Договорились, — улыбка Марка озарила его лицо.

Он взял мою руку, крепко сжал в своей и открыл дверь. Мы снова очутились в центре разномастной толпы, которая теперь была для меня не просто нашествием, а частью нашего будущего — сложного, но защищенного.

Глава 2

Рассвет был сизым, но этот утренний час показался драгоценным подарком после вчерашнего шума. В доме царила непривычная тишина — гости разошлись по своим комнатам или убыли восвояси еще ночью.

Мы спустились на кухню.

— Сидите, княжна Велозарова, — бросил Марк. — Чай или кофе?

— Чай, жасминовый, пожалуйста, — пробормотала я, усаживаясь на высокий барный стул.

Я смотрела, как он движется у плиты, как ловко взбивает яйца и посыпает их свежим укропом. По кухне растекался домашний, уютный запах, но аппетита не было.

Что ж, пора собраться с мыслями.

Я Милана Морозова, Хранитель Тайги. Три с половиной года назад Земля подарила мне огненную силу, чтобы защитить родной край от порождений Хаоса. Я выполнила свое предназначение: спасла Тайгу от якутских духов абасов, победила их короля Харги, сохранила равновесие между оборотнями — волками и тиграми. И влюбилась в того, с кем сначала враждовала. В вожака волчьего клана — Марка Велозарова.

Наш путь к сегодняшнему утру был не просто тернистым, а шокирующим. Потеря памяти, смерть родителей, предательство подруги, знакомство с жуком Василием... И вишенка на этом многослойном торте — моя беременность. Уж этого никто не ожидал. Человек не способен зачать от оборотня, но я не совсем человек, хотя уже и не совсем Хранитель. Чтобы остаться с Марком, пришлось отказаться от сверхъестественной силы и магических способностей, от управления стихиями и телепортации. Но я все еще слышу голоса животных, растений и обожаю свою тайгу. Теперь мы с Велозаровым вместе защищаем ее.

Четыре месяца назад король абасов закинул нас в петлю времени, в семнадцатый век. Там, вдали от дома, мы узнали о беременности. О ребенке добра и зла, младенце, какого еще не видел мир. Ведь я порождение Земли и света, а Марк создан тьмой и Хаосом.

Дорога домой была катастрофически сложной, но мы справились и целую неделю наслаждались покоем, пока вчера...

— Пока вчера ты не встретила с бывшим возлюбленным Алексом, племянником Велозарова, и его чудесной милой тетужкой Тереззой! Поздравляю, почти обо всем рассказала, правда, я не понял, перед кем так красиво распиналась, — послышалось из браслета на моем запястье. — Но ты забыла добавить, что я самый мудрый из насекомых. И ты удостоена чести слышать мой упоительный голосок!

— О да, — мысленно ответила я, — Василий Васильевич — добрый жук, умно-гениальный друг-проводник, умеющий слышать мои мысли и вечно надсмехающийся надо мной — голубоглазой блондинкой! А «распиналась» я перед собой. Своего рода аутотренинг перед полетом. Вась, я боюсь лететь в больницу...

Наш беззвучный диалог нарушила тарелка с идеальной яичницей и чашка душистого чая. Марк поставил их передо мной и прислонился к стойке напротив, не сводя изучающего взгляда.

— Родная, надо хорошо поесть. В дороге будет не до этого.

Я покорно взяла вилку и покрутила ее в пальцах.

— Марк... — начала я, так и не притронувшись к еде. — Мне немного... переживаю.

Он поднял бровь, но перебивать не стал.

— Сегодня мы узнаем... кто он. Или она. Оборотень, человек или... кто-то посередине. — Я сделала паузу, сглотнув слюну. — Давай перенесем отлет на пару дней? Кажется, я

немного простыла. Не выпалась, — шмыгнула я носом для убедительности, стараясь, чтобы мои слова звучали как можно естественнее. — К тому же врачи меня уже осматривали. Зачем все эти УЗИ, анализы... Может, обойдемся?

В уголках его янтарных глаз заплясали смешинки.

— Моя отважная Хранительница, победившая короля абасов, боится врачей? — Марк обогнул стойку и, встав рядом, прижал меня к себе. Его губы коснулись моей макушки. — Нечего бояться. Клиника принадлежит мне. Там лучшее оборудование и опытные доктора. Там проходят обследования все женщины клана. И я буду с тобой каждую секунду. Слышишь? Каждую. Что бы они ни увидели, что бы ни сказали — я буду рядом.

— Тебе легко говорить. Быть рядом — это одно, — проворчала я, уткнувшись носом в его свитер, — а вот «ребенка света и тьмы» на экране разглядывать...

— Это самое интересное приключение, — продолжил Марк, и в его голосе зазвучала уверенность, смешанная с ноткой азарта. — Наше самое важное приключение! Так что ешьте быстрее, девушка, вертолет ждет.

Под его контролирующим взглядом я все-таки осилила завтрак. Мы оделись и направились к выходу, и тут дверь в гостиную распахнулась.

На пороге, будто поджидая нас, стояла Тереза Велозарова в роскошной шубе из белого соболя — такой длинной и пышной, что волчица казалась густым облаком. Лицо Терезы, несмотря на ранний час, было безупречно: макияж с акцентом на алых губах. Она и правда походила на голливудскую кинозвезду из старых фильмов.

— Маркуша! Миланушка! Как хорошо, что я не опоздала. Решила составить вам компанию. Убедиться, что с нашим маленьким наследником всё в порядке, — произнесла Тереза заботливым тоном, который заставил мою спину непроизвольно выпрямиться.

Я почувствовала, как внутри меня пробежала волна недовольства. Это наша с Марком тайна, наш день, в котором никому другому не было места. Тут же вспомнилось, что Тереза телепат. Марк не мог читать мои мысли, но ведь это не значит, что и Тереза неспособна заглянуть в мою голову. На всякий случай я учтиво улыбнулась и подумала: «Какое счастье, что вы появились сегодня в нашем доме!»

Марк, кажется, уловил мое настроение. Он не стал грубить. Его ответ прозвучал мягко, но твердо.

— Спасибо за заботу, тетя, но мы справимся. Врачи будут предельно внимательны, я лично всё проконтролирую. Тебе не стоит утруждать себя дальним полетом.

Тереза искусственно удивилась, будто не ожидала отказа.

— Ну, конечно, милые, я понимаю... интимность момента, — она кивнула, сделав ударение на последнем слове. — Но... кажется, у Миланушки нет родителей, — Тереза со скорбью и соболезнаванием посмотрела на меня и продолжила: — А первый скрининг малыша, его движения — такой трогательный момент... Никто, кроме женщины, не сможет поддержать лучше, тем более новости могут быть разными, ведь даже нам неизвестно, кто там. Миланушка, деточка, не лишай старушку последней в жизни радости оказаться полезной, — взмолилась она и посмотрела проникновенным взором, — обещаю не быть назойливой, но в случае чего — приду на помощь.

Марк замер и перевел взгляд на меня, ожидая ответа.

Быть жестокосердной невесткой, отказывающей в просьбе стареющей тете мужа, — перспектива не из лучших. Разумеется, я не разрешу ей присутствовать в самые важные минуты, но ведь ничего не случится, если я послушаю в полете парочку историй о детстве Марка. Так даже лучше — узнаю больше о его семье, родителях... Зачем корчить из себя царевну голубых кровей? Пусть летит, я буду вежлива.

— Хорошо, — промычала я и, вспомнив, что Тереза, возможно, читает мои мысли, скорчила счастливую физиономию. — Конечно! Я буду только рада!

— Прекрасно! — Тереза расцвела победной улыбкой. — Не волнуйтесь обо мне, я найду, чем себя занять в полете.

Вертолет сверкал свежим лаком и символикой рода Велозаровых — серебристым волком на темно-синем поле. Рядом стояли три оборотня в человеческом облики. В ушах мужчин, облаченных в безупречные черные костюмы, блестели крошечные переговорные устройства, темные очки скрывали глаза. Один держал в руке планшет в титановом чехле и будто сканировал взглядом периметр, двое других замерли статуями по бокам. Они походили не столько на охрану, сколько на личную армию Терезы, выписанную у американских миллиардеров.

Телохранители Марка, Кайл и Роман, с привычно настороженными, но живыми глазами, в своих простых куртках смотрелись рядом с ними как лесные волки возле породистых псов.

Внутри вертолет оказался произведением искусства. Кожа кресел была мягче масла. Деревянные вставки поблескивали лаком; на столике стояла ваза с живыми орхидеями и хрустальный графин с водой. Тереза расположилась напротив, раскинув полы соболиной шубы так, что они заняли добрую половину салона.

Я молча опустила на свое место, прижалась виском к плечу Марка и закрыла глаза. Его ладонь тут же легла на мои пальцы, согревая. Говорить не хотелось. Во-первых, я боялась, что Тереза почувствует мою тревогу. Во-вторых, настроение висело где-то в районе плинтуса, а присутствие тетушки только добавляло лишнего напряжения. Мне, Хранительнице Тайги, вдруг до слез захотелось забиться в угол и тихо реветь от страха. Да, я боялась этого страшного УЗИ. Но показывать слабость перед холеной волчицей? Ни за что.

Тереза, словно не замечая моего состояния, завладела пространством целиком.

— Маркуша, ты знаешь, Опра Уинфри на прошлой неделе устроила прием! — кричала Велозарова, перекрывая шум винтов. Она отказалась от наушников, дабы не испортить прическу. — Я не была, но мне рассказывали, что там обсуждали только выборы, — она театрально закатила глаза, поправляя идеальный локон. — А я говорю подругам: «Милые, политика — это скучно, пока вы не в Белом доме. А если вы не в Белом доме, то зачем тратить на нее вечер?»

Тереза рассмеялась собственной шутке, хлопнула в ладоши, и я вздрогнула.

— Милана, душенька, ты обязательно должна знать, что сейчас носят в Нью-Йорке! — обратилась она ко мне. — Вся эта минималистичная серость вышла из моды. Только цвет, только фактура, только роскошь! — она провела рукой по своему соболю. — С твоей внешностью нужно одеваться ярко. Ты же скоро станешь матерью наследника!

Марк слегка напрягся, но я лишь приоткрыла веки и выдавила вежливую улыбку:

— Обязательно учту.

Тереза восприняла это как приглашение продолжать.

— Ах, да! Совсем забыла! — она снова хлопнула в ладоши, отчего у меня задергался глаз. — Вы слышали про скандал с Ротшильдами? Я, конечно, не в курсе деталей, но мои источники говорят...

И она понеслась дальше, перескакивая с темы на тему, словно кузнечик: от биржевых индексов к сплетням о европейских монархах, от них — к новому ресторану в Дубае, куда ее, разумеется, уже пригласили. Каждую фразу она сопровождала то взмахом руки, то звонким смехом, то удивленным «представляешь?».

Я сидела, уткнувшись в плечо Марка, и молилась, чтобы полет закончился быстрее. Сквозь гул винтов и голос Терезы я слышала, как Василий в браслете тихонько напевает что-то издевательское вроде «А нам всё равно, а нам всё равно, пусть боимся мы волка и сову...». Ну хоть кто-то развлекается.

— Чудесно! Это было фантастически! — доносились через полудрему восклицания волчицы, мешавшие мне провалиться в спасительное забытие.

Марк же не обращал на тетушку внимания. Его пальцы продолжали спокойно поглаживать мою ладонь, словно он вообще не слышал этого шума. Я мысленно восхитилась его выдержкой и снова прикрыла глаза, надеясь, что Тереза сочтет меня спящей.

— Маркуша! — не унималась она, понижая голос до заговорщицкого шепота, который в тишине салона звучал отчетливо, будто из громкоговорителя. — А ты ей рассказал про нашу семейную традицию? Про первую охоту?

Я наострила уши, но продолжила изображать спящую.

— Не сейчас, тетя, — в голосе Марка уже слышались нотки раздражения, от которых даже Тереза на мгновение притихла.

— Ну, как знаешь, — она картинно вздохнула и принялась рассматривать свои ногти. — Просто я думала, Милане было бы интересно. Ей же теперь в нашу семью вливаться, традиции перенимать... Хотя, конечно, девочка из другого мира, из тайги... Ей и так непросто, поди.

Я стиснула зубы. Вот же... каждое слово — комплимент с двойным дном.

Василий в браслете противно хихикнул:

— А тетя-то не промах. Так ловко тебя в угол зсагоняет, что ты и пикнуть не успеваешь. Пряма шахматная королева, а не волчица.

— Васька, хоть ты не зли! — мысленно рявкнула я.

— Молчу-молчу. Просто констатирую факты. Но ты держись. Я в тебя верю.

Я снова уткнулась носом в свитер Марка, Его запах — хвоя и дым — был диким и надежным одновременно. Ладно. Пусть Тереза болтает. Пусть читает мои мысли, если умеет, — я буду думать о таблице Менделеева и о том, какие дурацкие у нее серьги. Хотя серьги, надо признать, были изумительные: сапфиры в обрамлении огромных бриллиантов.

Вертолет слегка качнуло, и Тереза ойкнула, хватаясь за подлокотники.

— Боже, эти пилоты... Совсем не умеют летать! Маркуша, ты бы их сменил. В моем самолете таких болтанок не бывает!

Марк ничего не ответил. Только чуть повернул голову, выглядывая в иллюминатор. Внизу показались окраины Хабаровска — серые ленты дорог, игрушечные домики. Скоро приземлимся.

Еще немного потерпеть.

Вертолет пошел на снижение. Город приближался, вырастая из игрушечного в настоящий — с многоэтажками, шумом, суетой. Где-то там, в элитной клинике, нас ждет кабинет с аппаратом УЗИ и ответы на вопросы, которые я даже боялась задавать.

— Прилетели. — Марк наклонился ко мне и коснулся губами лба. — Солнышко, готова?

Я кивнула. Надо отдать Терезе должное: ее безостановочная речь хоть и действовала на нервы, но не дала погрузиться в паническое настроение.

— Готова, — шепнула я в ответ.

Глава 3

Вертолет мягко коснулся площадки на крыше, и я снова поразилась тому, как умудрилась оказаться в числе великих мира сего.

Клиника «Велозаров-Медикал» возвышалась в самом центре города — стеклянная башня, уходящая в небо. Мы вышли под навес, где нас встретила делегация. Двадцать человек выстроились вдоль стеклянного коридора, ведущего от вертолетной площадки в основное здание. Впереди стоял мужчина в дорогом костюме, с седой бородкой клинышком и внимательными глазами. За ним медсестры в накрахмаленной форме. Замыкали шеренгу администраторы и два охранника у лифта, вытянувшиеся по струнке.

— Господин Велозаров, — мужчина шагнул вперед и склонил голову, — мы чрезвычайно рады приветствовать вас и вашу семью. Всё готово к приему, специалисты ожидают в кабинетах.

Марк кивнул коротко и по-деловому. Он словно не замечал помпезности: для него это было нормой. А вот Тереза расцвела на глазах.

— Благодарю, доктор... — она сделала паузу, ожидая, когда ее представят.

— Профессор Воздвиженский к вашим услугам. Я главврач этой клиники.

— Профессор, прелестно! — Тереза взяла его под локоть, будто они были давними знакомыми. — Ведите, показывайте, где тут у вас располагается отделение ультразвуковой диагностики. Я должна лично убедиться, что мою невестку осмотрят по высшему разряду!

Главврач немного растерялся от такого напора, но быстро взял себя в руки.

— Разумеется, мадам. Оборудование премиум-класса, новейшие аппараты, специалисты экспертного уровня, проходили стажировку в Цюрихе и Сеуле...

— Чудесно, чудесно! — перебила Тереза, минуя стеклянные двери.

Процессия тронулась. Медсестры стояли вдоль стен коридора, словно почетный караул. Меня рассматривали с нескрываемым интересом. Жена самого Марка Велозарова, Хранительница, девушка, ради которой он, по слухам, горы свернул.

Мне было неловко от такого королевского приема. Хотелось вжаться в стену и исчезнуть. Но я шла, стараясь держать спину прямо, пока Тереза раздавала указания направо и налево.

— Кто будет осматривать мою невестку? Я хочу видеть сертификаты аппаратов, дипломы врачей, результаты этих исследований. И пожалуйста, убедитесь, что в кабинете стерильно. Абсолютно стерильно!

Медсестры забегали. Кто-то бросился открывать какие-то папки, кто-то кому-то звонил, главный врач быстро говорил в рацию — из-за суматохи я не расслышала что. Суэта нарастала с каждой секундой. Марк нахмурился, но Тереза взяла ситуацию в свои руки и не собиралась отпустить.

Мы дошли до широкого холла, где начинались кабинеты диагностики. Здесь было тише, но напряжение витало в воздухе. Я оглянулась на Кайла и Романа, которые держались чуть позади. И тут меня осенило.

— Марк, — я сжала его пальцы, — мне нужно... в туалет.

— Родная, — шепнул он. — Помнится, в московском университете ты уже ходила в уборную, пришлось три месяца домой добираться.

Муж повернулся и хотел было пойти со мной, но я покачала головой, стараясь говорить тихо, чтобы не услышала Тереза.

— Не надо, — прошептала я, почти умоляя. — Если пойдешь, Тереза побежит за нами, и в туалете будет та же выставка: врачи, папки, сертификаты... Я не выдержу. Пожалуйста.

В его глазах мелькнуло понимание и злость на ситуацию. Он медленно кивнул.

— Ладно, только быстро. Кайл, Роман, — Марк перевел взгляд на охранников, — сопроводите Милану.

— Спасибо, — выдохнула я, прокручивая в голове план исчезновения.

Я скользнула в боковой коридор, делая вид, что ишу дамскую комнату. Охранники бесшумно двинулись следом.

— Роман, — я развернулась и понизила голос до шепота. — Послушай меня и, пожалуйста, не спорь.

Он наклонил голову, глядя участливым взором.

— Если эта... если Тереза войдет со мной в кабинет УЗИ, — я заговорила быстро, чувствуя, как к горлу подступают слезы, — я убегу. Спрячусь так, что меня никогда не найдут. Ни вы, ни Марк, ни врачи — никто. Ты знаешь, я умею. Если она будет стоять рядом и смотреть на экран своими глазами-рентгенами... Нет, такого я не вынесу.

Кажется, Роман и не собирался возражать.

Он коротко кивнул:

— Не беспокойся. Всё решим.

Охранники обменялись взглядами.

— Иди за мной. — Роман взял меня под локоть и повел к служебной двери в самом конце коридора.

Мы прошли через технический отсек, миновали еще один холл. Здесь было тихо, только гудели лампы дневного света. Охранник уверенно открывал двери ключ-картой.

— В этой части клиники есть кабинет УЗИ, — пояснял Кайл на ходу, — для особых случаев. Там никто не помешает.

Мы остановились у неприметной двери с табличкой «Диагностический кабинет №9».

Внутри оказалось светло и просторно. Современный аппарат УЗИ с большим монитором, удобная кушетка. У окна стоял пожилой мужчина в белом халате. Выражение лица немного озадаченное.

— Доктор Соболев, — представил его Роман. — Отличный специалист по пренатальной диагностике. Полностью доверенное лицо. Так что не нужно убегать и прятаться. Он всё сделает как надо.

Роман и Кайл были не просто охранниками — они стали моими надежными друзьями еще три года назад, когда тренировали меня и воспитывали волю к победе.

— Здравствуйте, Милана Владимировна, — врач поправил очки. — Понимаю, ситуация нестандартная, но не волнуйтесь. Всё сделаем по высшему разряду.

Охранники вышли, прикрыв за собой дверь.

— Ложитесь, пожалуйста, — мягко сказал доктор, указывая на кушетку.

Я заметила испарину на его висках.

Я легла, глядя в белый потолок. И тут меня накрыло. Внутри всё задрожало. Через несколько минут я узнаю, кто там. Оборотень, человек или... то самое невозможное среднее.

Глаза защипало. Потекли слезы, и я не могла их остановить. Мне безумно захотелось, чтобы Марк оказался рядом. Чтобы взял за руку, посмотрел спокойным взглядом, от которого всегда становится легче. Но он там, в холле, разбирается с Терезой. И правильно — лучше пусть ее отвлекает, иначе она ворвется сюда и устроит цирк.

— Мамочка... — всхлипнула я.

— Не реви, — раздалось из браслета.

Василий завозился, вылезая из подвески на кушетку, чтобы тоже посмотреть на экран.

— Чего зря глаза портить? Я, жук с многолетним опытом, тебе авторитетно заявляю: ты сильная. Справишься. И этот твой лохматый... ну, который Марк, он тоже справится. И не через такое проходили. Чувствую, что с ребенком порядок!

— Спасибо, Вась, — мысленно поблагодарила я друга и шмыгнула носом.

Доктор подошел, опустился на стул и включил аппарат. На экране замелькали разноцветные разводы.

— Сейчас нанесу гель, может быть прохладно, — предупредил он.

Датчик коснулся моего живота. В этот момент дверь распахнулась.

На пороге стоял Марк. Взъерошенный, запыхавшийся, с диким взглядом. Давно не видела его таким. Он обвел комнату глазами, и в два шага оказался возле меня.

— Я здесь, родная, — выдохнул он, падая на стул рядом с кушеткой и сжимая мою ладонь. — Чуть не опоздал.

Его пальцы теребили мои, гладили, согревали. Он не спрашивал, почему я сбежала. Не возмущался, что пришлось искать. Просто был рядом — и стало чуть спокойнее.

— Ты здесь, — прошептала я, и слезы потекли снова, но уже не от страха — от облегчения.

— Всегда здесь, — ответил он и поцеловал мое запястье. — Смотри на меня. Только на меня. Всё будет хорошо.

Врач деликатно кашлянул:

— Я начну?

Марк кивнул.

Датчик скользнул по животу. На экране в золотисто-персиковой гамме высокого разрешения проявился наш малыш... настоящий маленький человечек!

Я взглянула на монитор и ахнула, прижимая ладонь к губам.

Он — или, может, она? — лежал, слегка подогнув ножки к животу. Было видно каждую деталь: маленькие пальчики, тоненькие линии ребер, изящный изгиб позвоночника. Головка с аккуратным профилем — лобик, носик, подбородок. Аппарат рисовал картинку с почти голографической четкостью, казалось, еще мгновение и малыш откроет глазки.

В центре крошечного тельца ритмично пульсировало сердечко, подсвеченное на мониторе теплым светом доплеровского сканирования.

— Боже... — выдохнула я. — Какой он... уже настоящий...

Доктор говорил о размерах, развитии органов, объяснял, что всё соответствует сроку беременности, но я не слушала. Смотрела на экран и чувствовала, как по щекам текут теплые, соленые, счастливые слезы.

И вдруг я услышала звук.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Быстро-быстро, как удары маленькими барабанными палочками, отбивающими ритм жизни. Сердцебиение нашего ребенка заполнило комнату, вытеснив все остальные звуки.

Я перевела взгляд на Марка и улыбнулась от счастья.

Он смотрел на экран так, будто перед ним разверзлись небеса. В янтарных глазах блестела влага. Капли дрожали на ресницах, и Марк даже не пытался их скрыть. Сильный, неsgiбаемый вожак волчьего клана, мужчина, прошедший через петлю времени и битвы с порождениями Хаоса, смотрел на цветной экран с таким благоговением, будто видел самое святое, что только может быть в этом мире.

— Доктор, — его голос охрип от нахлынувших чувств. — Можно... погромче? И задержите этот момент. Я хочу послушать еще...

Врач кивнул, pokrутил приборы, и стук сердца зазвучал громче, отчетливее. Марк сильнее сжал мою руку и замер, слушая, как бьется жизнь в его ребенке.

— Это... невероятно, — прошептал он. — Милана, ты слышишь? Это он. Наш. Смотри, какой уже большой!

Младенец на экране шевельнулся, перевернулся, и мы отчетливо увидели, как тоненькая ручка поднялась, словно махая нам.

— Ой! — я рассмеялась. — Он шевелится! Ты видел?

— Видел, — благоговейно выдохнул Марк. — Он нам машет. Привет, карапуз.

Марк наклонился, коснулся губами моего лба, щеки — легко-легко, словно боялся раздавить от переполнявшего его счастья.

— Я даже не представлял... — начал он, но не закончил.

Потому что в этот момент экран аппарата побелел, покрылся рябью, будто старый телевизор без сигнала. Звук сердечка прервался противным писком, а на мониторе вспыхнуло и погасло предупреждение об ошибке системы. Датчик в руке доктора издал странный треск.

— Что такое? — Соболев заметался, нажимая кнопки и проверяя провода. На его лбу опять выступила испарина. — Не может быть... Аппарат абсолютно новый!

Мой рассудок, минуту назад певший от счастья, чуть не рассыпался. Паника подступила к горлу.

— Марк... — прошептала я, сжимая его ладонь, словно ища поддержки.

— Доктор, всё в порядке? Что случилось? — напряженно спросил Велозаров.

— Я не могу объяснить, — врач беспомощно развел руками, глядя на мигающий экран. — Возможно, перепад напряжения. Или сбой в системе. Подобное крайне редко, но бывает. Нам нужно пройти в другой кабинет. Там такой же аппарат. Я вас проведу, это займет пару минут...

— Нет.

Слово вырвалось само. Я не узнала собственного голоса: он звучал тонко, почти истерично. Я обхватила предплечье Марка и посмотрела снизу вверх умоляющим взглядом.

— Пожалуйста, нет! Мы видели его, слышали сердце. Он махал нам ручкой! С ним всё в порядке. Я не выдержу, если придется пережить это волнение снова, — слова сыпались быстро и сбивчиво. — Давай в другой раз, умоляю. Или я... отказываюсь рожать и ходить беременной!

Я понимала, как нелепо это звучит. Понимала, что несу чушь, гормоны играют, страх и счастье перемешались в гремучий коктейль, но остановиться не могла.

Марк замер. В глазах мелькнуло удивление, потом тень протеста: он явно хотел до конца убедиться, что с ребенком всё хорошо, хотел, чтобы врач продолжил обследование. Но глядя на мое перепуганное лицо, на слезы, которые снова норовили вырваться наружу, он медленно улыбнулся. Мягко и тепло.

— Не будешь ходить беременной? — в его глазах заплескались смешинки. — И как ты себе это представляешь? Ребенка переложим в сумку? Или вообще отменим беременность, пока не поздно?

— Марк! Ничего смешного!

Я легко толкнула его в грудь и наигранно надулась. Он меня понял. Всегда понимал.

— Знаю, родная. И знаю, что ты напугана. Поэтому — хорошо.

— Что?

Я не поверила своим ушам.

— Хорошо, — повторил он, поднимаясь с кушетки и помогая мне сесть. — В следующий раз. Доктор, спасибо. Мы перенесем обследование на другой день. Скажите, на основании увиденного можно утверждать, что с моей женой и ребенком всё в порядке?

Врач выдохнул с явным облегчением:

— Разумеется, господин Велозаров. Мое заключение будет основываться на том, что мы успели увидеть. Сердцебиение отличное, темпы развития соответствуют сроку, жизненно важные органы визуализируются хорошо. Всё в полном порядке, не волнуйтесь. Через месяц повторим УЗИ и узнаем пол ребенка.

— Мы и не волнуемся. — Марк помог мне слезть с кушетки и заботливо одернул свитер. — Теперь уже не волнуемся.

Он обнял меня, прижал к себе и поцеловал. В его объятиях было надежно, как за каменным щитом, и даже испорченный аппарат УЗИ казался теперь досадной мелочью.

— Ты у меня самая лучшая, — прошептал Велозаров, — и самая беременная!

— Марк! — я засмеялась и снова легонько стукнула его по груди.

— Что? Я же констатирую факт, — он подхватил меня за талию. — Пошли, моя небеременная беременная жена, а то Тереза сейчас устроит нам допрос с пристрастием.

Мы вышли из кабинета. Сдержанть эмоции было невозможно — счастье пузырилось шампанским, несло наружу, требовало выхода.

Я слегка подпрыгнула. Подпрыгнула, как маленькая девочка. Еще раз. И еще.

— Человек! — закричала я, размахивая руками. — Он человек! Марк, ты видел? Наш ребенок — человек! С ним всё в порядке! А сердце! Ты слышал это сердце? Оно барабанило! Как барабанщик! Лучший барабанщик в мире!

Марк расхохотался звонко и громко, а потом подхватил меня и закружил, целуя в лицо — щеки, нос, лоб, губы. Куда попало.

— Солнышко мое! — восклицал он между поцелуями. — Ты святая! Единственная! Ты подаришь мне ребенка! Нашего ребенка!

— Это ты подаришь! — смеялась я в ответ, обвивая его шею руками. — Точнее, мы вместе. Ой, Марк, я так счастлива!

— Я тоже, родная. Я тоже.

Он поставил меня на пол, прижал к себе, уткнулся носом в мои волосы и замер. Я чувствовала, как колотится его пульс — быстро-быстро, совсем как у нашего малыша.

Кайл и Роман подлетели одновременно и сгребли нас в охапку. Роман хлопнул Марка по плечу, и на секунду мы все превратились в большой счастливый клубок радости.

— Поздравляю! — гудел Кайл, сверкая глазами. — Мы всё слышали! Вернее, не всё, но сердцебиение — точно! Отличный стук!

— Это... это круто! — смеялся Роман.

— Спасибо, — Марк остановился и крепко пожал им руки. — Спасибо, что помогли.

— Да мы только ключ-картой щелкнули, — отмахнулся Роман, но по его довольному лицу было видно, как ему приятно.

— Ну всё, — Марк снова подхватил меня на руки, явно не собираясь отпускать, — едем праздновать! Сейчас же! Самый лучший ресторан! Всё самое дорогое и вкусное!

Я смеялась, чувствуя себя принцессой.

Вдруг из-за угла вылетела Тереза.

Она походила на встревоженную орлицу — соболя развевались, глаза метали молнии, пальцы теребили клатч. Увидев нас, она всплеснула руками и чуть не споткнулась на ровном месте.

— Маркуша! Милана! Боже мой, где вы были?! Я обыскалась! Мне никто ничего не говорит! Эти ваши охранники только загадками изъясняются!

Она вмиг очутилась рядом и вдруг замерла, вглядываясь в наши лица.

— Что? Что случилось? Уже всё? Почему без меня? Кто там? Что сказали?

Тереза замахала перед лицом ладонями, будто сейчас упадет в обморок, если не услышит ответа. Ее идеальный макияж начинал давать трещину.

— Что с ребенком? Оборотень? Марк, не молчи!

— Всё отлично! — крикнул Марк на ходу, и в его голосе звенело счастье. — С нашим малышом всё замечательно!

Двери лифта открылись, и мы шагнули внутрь. Тереза рванула за нами, но охранники синхронно загородили проход.

— Мадам, следующий лифт через минуту, — вежливо, но непреклонно произнес Роман.

Перед тем как двери закрылись, я успела увидеть лицо Терезы. Она смотрела нам вслед с выражением, которое невозможно описать одним словом. Обида, растерянность, досада, злость... Губы ее дрожали, глаза подозрительно блестели — кажется, она и правда была готова

разрыдаться. Этот праздник жизни прошел мимо нее. Самый важный момент — первое УЗИ, знакомство с внучатым племянником — случился без ее участия. И она ничего не могла с этим поделать.

Лифт поехал вниз. Я прижалась к Марку и прошептала:

— Кажется, Тереза хотела с нами.

— Успеет еще, — беззаботно ответил он и поцеловал меня в макушку. — Сегодня наш день. Только наш.

Уже в ресторане до нас долетели отголоски тетушкиного гнева.

Кайл, который остался в холле клиники решать организационные вопросы, перезвонил Роману, и тот включил громкую связь.

— Она требует полный отчет УЗИ. Распечатку, снимки, заключение. Профессор чуть инфаркт не получил, когда она ворвалась в ординаторскую. Говорит, в нормальных клиниках аппараты не ломаются, это разгильдяйство и неуважение к пациентам. Грозит написать жалобу в Министерство здравоохранения и лично губернатору.

Мы с Марком переглянулись и расхохотались.

— Бедный профессор, — выдохнула я сквозь смех. — Может, ему цветы отправить с извинениями?

— Отправлю, — кивнул Марк, подливая мне сок. — И премию. Он заслужил.

— А аппарат? — на секунду вернулось пережитое волнение.

— Разберемся, — отмахнулся Марк. — Может, и правда перепад напряжения. А может... — он задумчиво посмотрел на меня. — Может, наш малыш не хочет, чтобы его слишком пристально рассматривали.

Я положила руку на живот и улыбнулась.

— Хранишь свои тайны, маленький?

Глава 4

Ресторан гудел праздником. Стол ломился от яств, но мои мысли были далеко — там, где пахнет тайгой и на стене висит семейный портрет, а Катя, старшая сестра, наверняка испекла свои коронные пончики с шоколадной крошкой и места себе не находит, ожидая результата моего обследования.

Но прежде чем попросить Марка о встрече с Катей...

— Марк. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Он изменился в лице, отставил шампанское и внимательно посмотрел в глаза.

— Что случилось, солнышко?

Я замялась, крутя в пальцах салфетку.

Василий в браслете тут же ожил:

— О, чувствую, совесть ззамучила. Ну давай рассказывай, чего надумала.

— Помолчи, — мысленно без злости огрызнулась я и подняла глаза на мужа.

— Марк... мне немного неудобно перед Терезой.

Густые брови Велозарова поползли вверх.

— Перед Терезой?

— Ну да, — я вздохнула. — Понимаешь, она так хотела быть полезной, а мы взяли да бросили ее в коридоре. Может, мне просто показалось, что она навязчивая, и ее комплименты были искренними? В конце концов, наш ребенок — ее внучатый племянник. Своих детей у нее нет, она одна в чужой стране... Я повела себя нехорошо.

Марк не сводил с меня долгого взгляда. В янтарных глазах плескалось удивление и нежность.

— Совесть ты моя человеческая, — сказал он тихо, беря мою руку и поднося к губам. — Даже слишком человеческая... Поверь, комплименты Терезы были именно такими, какими они тебе показались. Но если тебе станет легче, я позвоню ей вечером. Извинюсь. Скажу, что это я настоял на уединении, хотел побыть с тобой вдвоем. Уверен, она не обидится.

Я вздохнула с облегчением.

— Спасибо. Марк, только... мне еще к Кате надо. Я ей уже позвонила, она испекла пончиков. Хочу съездить домой, в свою квартиру.

Я видела, как в нем сквозило желание удержать меня от этого шага.

С маленьким городком Таёжный, где я родилась, выросла, окончила школу и встретила Марка, были связаны не только счастливые воспоминания, но меня всё равно неудержимо тянуло туда. Стены квартиры помнили мой голос, а трещины на асфальте — шаги. Меня влекло в Таёжный, как перелетных птиц в родные края. Мой городок, моя малая родина. Та, что пульсирует в крови и дышит в унисон с моими легкими.

Я вновь желала ощутить терпкий запах опавшей листвы, чуть уловимую сладость морошки и сухих трав. Мечтала окунуться в улочки, исхоженные вдоль и поперек босыми ногами, сандалиями, первыми каблуками и валенками... Родные места манили меня, словно звали по имени.

Я мечтала поваляться в сугробе и слепить снеговика — неуклюжего, с морковкой вместо носа и старым маминым платком на голове. Услышать скрип снега и вдохнуть особенный воздух, в котором смешались радость и боль утраты.

Катя и ее жених Андрей до сих пор жили в нашей квартире, где на кухне висел мамин календарь с изображениями природы, а в папином кабинете пылились его любимые детективы...

Старшая сестра хранила очаг родителей, чтобы младшая знала: сюда всегда можно вернуться, здесь всегда ждут.

— Хорошо, — ответил Марк после паузы. — Завтра утром отправимся к ней. Но сегодня, — в его глазах заплясали смешинки, — ты моя. Я забираю тебя себе. Никакой охраны, тетушек и прочих родственников. Только ты, я и ночной город. Идет?

— Идет!

Мы выскользнули из ресторана и нырнули в холод ноябрьского Хабаровска.

Где-то за домами, за огнями витрин дышала тайга.

Ветер с реки задувал за шиворот. Я поежилась, и Марк обнял меня, прижал к себе. Мы шли по набережной вдоль причалов. Снег падал медленно и, казалось, осторожно. Крупные пушистые хлопья висели в воздухе, словно кто-то держал над нами свадебную пелерину. Картина была настолько сказочной, что я остановилась.

Марк обнял меня сзади, положил подбородок на макушку. Его дыхание согрело висок.

— Ты пахнешь морозом, — шепнул он. — И мной. Сегодня у нас будет самая нежная ночь.

Его губы коснулись мочки моего уха — так легко, что я не поняла, то ли было это, то ли нет.

Я покраснела. Он всегда умел сказать такие слова, от которых горели щеки.

— Марк... — улыбнулась я, ощущая тепло, разливающееся по телу.

— Знаешь, а ведь я скучаю по тебе, — тихо сказал он. — Даже когда ты рядом.

Я не ответила. Улыбнулась еще шире и крепче прижалась спиной к его груди, чувствуя биение сердца — ровное, успокаивающее, как тиканье часов, которые считают наше время.

Потом мы зашли в маленькую кондитерскую, где пахло ванилью и корицей, сели у окна, заказали огромное пирожное с лесными ягодами и облепиховый чай. Марк кормил меня с ложки, и я смеялась, потому что он смотрел на пирожное, будто это был боевой трофей, которым приходится делиться. А за стеклом всё падал тихий снег, укрывая город, вечер и нас — таких маленьких в огромном мире, но таких счастливых.

Закрывая за мной дверь такси, Марк наклонился и прошептал:

— Я люблю тебя, Милана Велозарова. Моя женщина. Мать моего ребенка.

— А я люблю тебя, Марк Велозаров. Мой волк и мой муж.

Василий в браслете довольно вздохнул и пробормотал:

— Наконец-то. А то эти ваши целования... Жуку отдохнуть пора. Но вообще... молодцы. Хороший сегодня день.

— Хороший, — согласилась я мысленно. — Самый лучший!

Меня разбудила вибрация сотового на прикроватной тумбочке.

Я с трудом разлепила веки. На удивление Марк не проснулся — спал рядом, закинув руку на мою подушку. Его дыхание было ровным и глубоким. Сквозь шторы гостиничного люкса пробивался серый ноябрьский рассвет.

Телефон не сдавался. Стараясь не потревожить любимого, я схватила трубку. На экране показался незнакомый номер.

Глава 5

Марк подарил мне телефон недавно. Красивый, в золотистом чехле. Номер пока знала только Катя.

— Аллю? — прошептала я, думая, что у сестры что-то случилось.

— Миланушка! Душенька! — голос в трубке был до одури бодрым, сладким, со знакомой интонацией, от которой у меня вчера сводило скулы. — Тысяча извинений, что звоню в такую рань, но дело не терпит отлагательств!

Я села на кровати, прикрывая трубку ладонью. Сердце неприятно екнуло.

— Тереза? Доброе утро. Откуда у вас этот номер?

— Ой, милая, ну что за глупые вопросы! У меня есть свои маленькие секреты, как доставать информацию. Не будем о скучном!

Я промолчала. Внутри заскребло неприятное чувство — будто кто-то чужой рылся в моих вещах.

— Слушаю, — шепнула я, косясь на спящего мужа.

— Дело вот в чем, деточка, — Тереза понизила голос до заговорщицкого шелеста, отчего он стал звучать еще фальшивее. — Я не могу позвонить Марку. Ты же знаешь мужчин! Меня он не слушает, начнет спорить, а время не ждет.

— Что случилось?

— Вам срочно нужно приехать домой. Я уже распорядилась, чтобы к обеду туда прибыли все, кто вчера присутствовал на приеме, ну и еще кое-кто из старейшин. Разговор очень серьезный, Миланушка. Касается будущего всего клана и ребенка.

— Но мы с Марком сегодня собирались к моей сестре... — начала я.

— Милочка, я понимаю, — перебила Тереза с придыханием. — Семья — это святое, но сейчас решаются вопросы, от которых зависит судьба твоего малыша. Станут ли его уважать, признавать, защищать. Я, как старшая в роду, обязана проследить, чтобы все формальности были соблюдены. Чтобы никто не посмел оспорить его права.

Она сделала паузу.

— Не хочу тебя пугать, душенька. Но ты же понимаешь: не все в нашем мире рады тому, что вожак выбрал жену-человека. Есть недовольные. Те, кто может попытаться использовать твое происхождение против Марка. Мы должны выступить единым фронтом. Показать силу. А для этого нужно, чтобы вы были там. Оба.

Я молчала, переваривая информацию. С одной стороны, логично. С другой — каждое слово Терезы сочилось патокой, под которой угадывалось что-то лживое и расчетливое.

— Миланушка, ты здесь?

— Да, — выдохнула я.

— Так вот, — продолжила она, и в голосе появились командирские нотки, которые она тщетно пыталась замаскировать заботой, — уж поспособствуй, пожалуйста, чтобы к полудню Марк был дома. Сделай так, чтобы он прилетел. Я знаю, ты умеешь на него влиять. Женская мудрость — великая сила! А я позабочусь, чтобы встреча прошла максимально гладко. Доверься мне.

Доверься мне. Легко сказать.

— Хорошо, — ответила я, сама не понимая, почему соглашаюсь. Наверное, из-за дурацкого чувства вины за вчерашнее. — Я поговорю с ним.

— Умница! Золотце! — голос Терезы прямо засиял. — Я знала, что ты поймешь! Жду вас. Да, Миланушка... — она сделала секундную паузу, — не говори Марку, что я звонила тебе. Скажи, что вернуться — это твоя идея. Что ты соскучилась по дому. Ну или придумай

что-нибудь. Он поверит тебе. А мне не простит, если узнает, что я вмешиваюсь в ваши планы. Для его же блага, понимаешь?

Я понимала только одно: меня втягивают в игру, правил которой я не знаю.

— Хорошо, — повторила я безжизненно.

— Целую, деточка! До встречи!

В трубке зазвучали гудки.

Я сидела на кровати, глядя на погасший экран, и чувствовала, как внутри разрастается противный холодок. Василий в браслете молчал, но я почти физически ощущала, что он насто-рожился.

Отложив на тумбу сотовый, я откинулась на подушку. Мысли путались. Тереза, клан, будущее ребенка, Катя с ее пончиками, которые я обожала... Голова шла кругом.

Я так и не заметила, как провалилась в тревожную дрему.

Когда я проснулась, Марка рядом не было. Из ванной доносился шум воды.

Перевернувшись на спину, я снова прокрутила в голове утренний телефонный разговор. Сказать, не сказать? Тереза просила молчать, но мужу врать не хотелось. Даже в мелочах.

Шум воды стих. Я услышала, как открылась дверь, и через минуту в спальне появился Марк.

Он шел, вытираясь полотенцем. Мокрые волосы торчали в разные стороны, капли воды стекали по широкой груди. Он был прекрасен.

Марк подошел к кровати, наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Солнышко, что заказать на завтрак? Катины пончики — предел совершенства, я помню их запах, но в Таёжный лететь около двух часов, надо подкрепиться.

Он опустился на кровать, отбросил мокрое полотенце в сторону и начал нежно и дразняще целовать мою шею. Его ладонь легла на мою грудь, скользнула вниз, заставляя меня про-гнуться от удовольствия.

Я могла бы растаять. Правда могла. Забыть обо всем, отдаться этому утру, теплу его рук... Но холодок внутри не отпускал.

— Марк, подожди.

Он поднял голову и посмотрел с легким удивлением.

— Что-то случилось?

— Марк... — я замялась, накручивая на палец прядь волос, — давай перенесем полет к Кате? Мне нужно вернуться домой, переодеться, упаковать сестре подарок... Я позвоню ей, извинюсь, а завтра прямо с утра и полетим, хорошо?

Он замер. Его ладонь, только что скользившая по моему телу, остановилась. Он припод-нялся на локте и посмотрел на меня с прищуром, который появлялся, когда чутье жоака улав-ливало нестыковку.

— Перенести? — произнес он медленно. — Солнышко, вчера ты скакала по улице, как горный козлик, распевала про пончики и обещала Кате, что прилетишь. Что случилось?

Я отвела глаза.

— Просто... ну понимаешь... Мы вчера так быстро сбежали из клиники, бросили Терезу. Неудобно как-то. Может, стоит вернуться, поговорить с ней, а уже потом лететь?

Янтарные глаза подозрительно сузились. Марк молчал, давая мне возможность догово-рить и выдать себя.

Я не выдержала его взгляда. Глубоко вздохнула и выпалила:

— Ладно. Мне звонила Тереза.

Лицо Марка мгновенно потеряло утреннюю расслабленность, глаза стали жесткими и внимательными.

— Тереза? Откуда у нее твой номер?

— Не знаю. Сказала, что у нее есть свои способы добычи данных. Она просила тебе не говорить о звонке. Говорила, что ты не слушаешь ее, а меня слушаешь...

Марк молчал несколько секунд, переваривая информацию. Потом медленно произнес:

— И что потребовалось Терезе в такую рань?

— Нам срочно нужно вернуться домой. Она опять собирает гостей для разговора о будущем клана и нашего ребенка.

Я подняла голову и встретила его суровый взгляд. В этом взгляде не осталось и намека на утреннюю нежность.

— Она позвонила, — произнес он наконец, — на твой новый номер, который знает только Катя, и попросила соврать мне. Ты молодец, что сказала правду.

Марк запустил пальцы в мокрые волосы.

— Тереза могла купить информацию. И она никогда не делает ничего просто так. Ничего-го.

— Может, ей всего лишь хочется поговорить?

— Милана, — Велозаров взял мое лицо в ладони, заставляя смотреть прямо в глаза, — ты самая доверчивая душа из всех, кого я встречал. Тереза не собирает совет клана. У нее нет на это права. Клан здесь — я и ты.

Я молчала, чувствуя, как внутри усиливается тревога.

Марк отпустил меня и стал спешно надевать брюки.

— Но, если она зовет, мы полетим домой.

— Ты же только что...

— Я не повезу тебя к Кате, — перебил он, — не сегодня. Если Тереза узнала что-то, чего не знаю я, хочу, чтобы ты была там, где смогу тебя защитить — рядом.

— Марк, — я подошла к нему сзади, обняла за талию и прижалась щекой к спине, — ты правда думаешь, что нам и ребенку может что-то угрожать здесь? В тайге?

Он накрыл мои руки своими и долго молчал. Сквозь рубашку я чувствовала, как часто и напряженно бьется его сердце.

— Я думаю, — медленно произнес он, — что Тереза Велозарова всегда служит только одному — интересам рода, как она это понимает. Но наши понимания могут сильно расходиться.

Он развернулся и прижал мою голову к своей груди.

— Родная, собирайся. Сейчас тебе принесут завтрак, — его голос снова стал теплым, хотя беспокойство никуда не делось. — А мне нужно отойти, позвонить и переговорить кое с кем. Да, скажи Кате, что мы переносим визит.

Вскоре вертолет снова урчал винтами, разнося над округой громкий гул. Только теперь мы летели не к цивилизации, а назад — в сердце хребта. Домой.

Я сидела, прижавшись к Марку, и смотрела в иллюминатор на зимнее море тайги. Разноцветье красок уже исчезло, громадные ели стояли плечом к плечу в белых коконах снега. Солнце цеплялось за их макушки, и хвоя горела серебром. Ни одного лишнего цвета. Мощь и величие. Между стволами струился прозрачный синий воздух — такой густой, что, казалось, его можно потрогать. Тайга дышала. Медленно и глубоко.

Я смотрела на эту красоту и чувствовала, нет, была уверена, что никто и никогда не заставит меня ее покинуть. Слышишь, небо? Никто и никогда! Это мой дом! Дом моих родителей, моего ребенка!

Я так себя накрутила, представляя, что кто-то пытается лишить меня таежного края, что чуть не заплакала.

— Вась, — мысленно позвала я жука, который со вчерашнего вечера не подавал признаков жизни, — ты чего молчишь?

— Дурные предчувствия у меня, — неожиданно серьезно ответил он. — Воздух пахнет... грозой. Будь осторожна. Очень осторожна.

Я сглотнула и сильнее вжалась в бок Марка. Вертолет шел на снижение. Внизу показались знакомые очертания стеклянного дома, который был нашей крепостью.

Почему же тогда сердце колотится, как у зайца, почуявшего лису?

Глава 6

На крыльце не было встречающих. Только плотно закрытая дверь.

Марк выключил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на дом. Я видела, как напряглись его плечи. Сзади, в пассажирском отсеке, молчали Роман и Кайл.

— Марк? — тихо позвала я.

— Подожди, — ответил он. — Дай мне минуту.

Я знала этот тон. Марк сканировал пространство. Слушал, нюхал, чувствовал. Волк в нем вышел на охоту. Наконец он выдохнул и повернулся ко мне. Глаза были спокойными, но где-то в глубине янтарного света тлела опасная искра.

— В доме много гостей, — сказал он ровно. — Но сегодня я не приглашал никого из них.

— Тереза? — прошептала я.

Марк не ответил. Вместо этого вышел из вертолета, обошел его и открыл дверь с моей стороны. Подал руку, помогая спуститься.

— Держись рядом, — шепнул он. — Что бы ни случилось, просто молчи и смотри на меня. Ясно?

Я кивнула, чувствуя, как сердце уколола опасность.

Роман и Кайл бесшумно скользнули следом, занимая позиции по бокам от нас. Кайл положил руку на внутренний карман куртки — там, я знала, был пистолет. Роман сканировал взглядом окна, кусты, крышу.

Мы вошли в дом.

Первое, что я ощутила, — запах. Смешение дорогого парфюма, лесных ароматов и почти осязаемого напряжения.

В гостиной были все, кто присутствовал на недавнем приеме. Они сидели на диванах, в креслах, стояли вдоль стен и окон. В центре зала восседала Тереза.

На ней переливалось платье цвета индиго, расшитое серебряными нитями, волосы уложены в сложную прическу, в ушах — те самые сапфиры, которые я назвала дурацкими. Она улыбалась широко, открыто, как любящая тетушка, которая ждет дорогих гостей.

— Маркуша! Миланушка! — всплеснула она руками, поднимаясь с кресла. — Наконец-то! Проходите, проходите, а мы вас уже ждем.

Марк замер на пороге. Я стояла за его плечом и чувствовала, как волна ярости прокачивается по его телу. Кайл и Роман застыли статуями по бокам, готовые к любому развитию событий.

— Тереза, — голос Марка прозвучал ровно, даже тихо, но от этой тишины стало не по себе, — что это значит?

Волчица приблизилась к нам, сверкая улыбкой. Она сделала шаг, второй. Марк не отступил. Не посторонился. Он стоял в проеме своей гостиной и не пускал ее дальше.

— О, Марк, не сердись! Я понимаю, что поступила не совсем этично, собирая совет без твоего ведома. Но, дорогой мой, ситуация не терпит отлагательств. До всех дошли слухи о результатах исследования твоего наследника. А слухи, сам знаешь, распространяются быстрее лесного пожара, — Тереза многозначительно посмотрела на меня и на мой живот.

По залу пробежал шепоток, гости переглянулись. Кто-то подался вперед, кто-то выпрямился в кресле, чтобы лучше видеть.

Я почувствовала, как к щекам приливает кровь. Роман чуть сместился, загораживая меня сбоку. Кайл положил ладонь на мое плечо.

Марк шагнул вперед и заслонил меня собой полностью. Он заговорил, и его тон не допускал возражений:

— Мы не будем это обсуждать. Особенно здесь. Особенно сейчас.

— Маркуша, — Тереза вздохнула с притворной печалью, — ты вожак, а значит, обязан думать не только о своей семье, но и о клане. О будущем рода. О том, кто придет после тебя.

Она сделала паузу и добавила тише, но так, чтобы слышали все:

— Нам нужно знать, кто родится: оборотень или... человек.

Гости в зале замерли.

Марк медленно обернулся ко мне. Радужка его глаз приобрела стальной оттенок, это означало, что он читает мысли присутствующих.

— Солнышко, — его голос неожиданно смягчился. — Иди наверх, отдохни. Перелет вымотал тебя.

— Марк, я...

— Иди, — повторил он коротко, как приказ. — Я скоро поднимусь. Обещаю.

Велозаров взглянул на охранников:

— Проводите Милану в спальню. И задержитесь там. Оба.

Мне хотелось быть рядом с ним, защитить его, если потребуется. Но стальной взгляд говорил: «Тебе нельзя здесь оставаться».

Стараясь держать спину прямо, я направилась к лестнице. Кто-то из гостей смотрел с сочувствием, кто-то — с любопытством, кто-то — с холодной оценкой. Тереза проводила меня улыбкой, от которой зачесалось между лопаток.

Мы поднялись на второй этаж. Роман открыл дверь спальни, быстро обшарил комнату.

— Чисто, — пробормотал он.

Кайл встал у двери снаружи, скрестив руки на груди, и пробасил:

— Если что — кричи.

Я прислонилась ухом к замочной скважине. Снизу доносился гул голосов: Марк что-то говорил, резко и отрывисто. Ему отвечали. Я не могла разобрать слов, но напряжение ощущалось даже здесь.

— Не слышно ничегошеньки! — с досадой воскликнула я.

Вдруг меня озарило. Потайная лестница! Та самая, что вела из гардеробной вниз, в цветочную галерею. Марк показывал ее когда-то. Галерея, огороженная стеклянной стеной, находилась прямо за главным залом. Если приоткрыть створку двери...

Я метнулась в гардеробную, нащупала неприметный выступ в панели. Стена бесшумно отъехала в сторону, обнажая узкую винтовую лестницу.

— Вась, — позвала я шепотом, спускаясь. — Васька, ты здесь?

— А где ж еще? — раздался из браслета недовольный голос. — Меня укачало, конечно, но тебе же нет до этого дела. Между прочим, жуки не созданы для полетов на вертолетах!

— Потом пожалуешься. Сейчас нужно смотреть и слушать. И помогать мне понимать, кто есть кто.

— О, интриги! — оживился Василий. — Это я люблю. Показывай свою шпионскую натурку. — Василий издал звук, очень похожий на смех. — Посмотрим, что там затевает твоя «любящая» свекровь.

Я спустилась и оказалась в галерее. Вокруг раскинулся настоящий тропический лес — орхидеи, пальмы, папоротники, множество ярких цветов. В центре журчал маленький фонтан. Именно здесь три с половиной года назад я снова стала человеком, утратив могущество Хранителя.

Сквозь прозрачную стену я видела всё, что происходит в зале. А приоткрытая створка двери позволяла еще и слушать. Идеально. Я спряталась за кадкой с огромным фикусом и прикинула к щели.

Глава 7

Марк стоял у камина. Рука на спинке кресла, повернутого вполоборота. Плечи расправлены, взгляд тяжелый, но спокойный. Он смотрел на Терезу сверху вниз, а она расхаживала перед ним, пытаясь задать тон беседе. Велозаров не двигался, и вся ее энергия разбивалась о его молчание, как волны о скалу.

— Марк, мы не можем закрывать глаза на очевидное, — возмущалась она. — Твой отец всегда говорил: сила рода — в чистоте крови. А теперь представь, что будет, если выяснится, что наследник — человек?

По залу пробежал ропот.

— Особенно учитывая... хм... особенности твоего брака, — добавила Тереза, бросив многозначительный взгляд на лестницу, по которой я недавно поднималась.

— Ты переходишь границы, тетя, — голос Марка резанул сталью.

Я вздрогнула и мысленно прошептала:

— Васька, вон те у стены, с блестящей кожей, — это же урулы?

— Ага, — подтвердил Василий. — Водные духи. Смотри, как переливаются. Это они от волнения. Вода в них бурлит. Тот, с длинной бородой, в которую вплетены ручьи, похоже, старейшина. И они пришли не просто так. Им есть дело до ребенка.

— Почему?

— Мал золотник, да дорог... Слыхала поговорку? Хотя когда тебе в мудрость народную вникать? Ты ж у нас беременная, витаешь в облаках. Хорошо, что я учу уму-разуму! Так вот, дети, мамаша, — это продолжение жизни. А вода без жизни мертвая. Урулам нужен сильный Хранитель в будущем, чтобы реки не пересыхали. Так что они скорее за вас. Но с ними надо осторожно: обидчивые, переменчивые, как весенний паводок.

Я перевела взгляд на потолок: под люстрой парили несколько прозрачных фигур.

— Албасты, — выдохнула я. — Они прямо над всеми!

— И эти, скорее всего, наши, — довольно хмыкнул Василий. — Им интересен сам процесс обсуждения, ну и сплетни. О, они уже всюю стрекочут между собой. Сейчас разнесут по миру: кто что сказал, кто с кем поссорился. Идеальные шпионы. Только попроси — и они будут твоими глазами и ушами.

Я посмотрела на группу облаченных в лохматые куртки суровых мужчин. Они стояли отдельно, выбрав диспозицией другую сторону камина, и переглядывались с усмешками.

— Вервольфы, канадцы, — прокомментировал Василий. — Пришли поглазеть. Этим только дай повод — штаны просидят, а драки дождутся. Им плевать на твоего ребенка, плевать на Терезу. Для них всё, что здесь происходит, не более чем цирк. Они уважают только силу. Если Марк сейчас не осадит тетушку, они спишут его со счетов. Смотри, как скалятся — ждут драки.

Действительно, один из вервольфов, здоровенный детина с рыжей бородой и огромным шрамом на лице, что-то шепнул соседу, и оба ухмыльнулись, глядя на Марка.

Совсем иначе вели себя лугару. Они сидели в креслах у окна — трое мужчин и две женщины, одетые с иголки, с идеальными прическами и маникюром. Они не улыбались — слушали, склонив головы, и в их глазах читалось недовольство.

— Лугару, — голос Василия стал серьезным. — Европейская аристократия. Вот эти оборотни опасны. Они понимают Терезу, потому что сами думают так же. Рыбак рыбака видит издалека. Для них чистота крови — всё. Если решат, что твой ребенок угрожает их положению... — он не договорил, но я и без слов поняла.

Одна из женщин-лугару вдруг повернула голову и посмотрела прямо на стеклянную стену — туда, где за фикусом притаились мы с Василием.

Я замерла.

— Она видит меня?

— Вряд ли, — пробормотал жук. — Стекло слегка тонированное, да и кадка — будь здоров. Хотя... лугару тоже телепаты, не такие сильные, как Марк, но кое-что могут. Возможно, почуяла.

Женщина смотрела несколько секунд, а потом отвернулась. Я выдохнула и продолжила разглядывать гостей.

В углу сидели лешие. Двое. Я узнала их по одежде изо мха и коры да по запаху хвои, который доносился даже досюда. Один — старый, с бородой, в которой запутались кедровые шишки, другой, подобие мужчины, — помоложе, с зеленой прядью в волосах.

— Лешие, — сказал Василий с теплотой. — Вот эти твои на все сто. Видишь, как хмурятся? Им не нравится, что все собрались без разрешения вожака. Для них закон — это хозяин леса, а хозяева леса — Марк и ты. Тереза для них чужая. Кстати, старшего зовут Дед Корень, молодого — Белобок.

На диване у столика развалился саамский Нойд. Он смотрел перед собой в пространство и, казалось, видел то, что недоступно для других. Его пальцы медленно поглаживали небольшой бубен с колокольчиками; на шее вместо воротника возлежала лисица. Настоящая! Она иногда шевелила мордочкой и будто изучала окружающих малюсенькими глазами-щелочками.

— А этот? — спросила я. — Нойд?

— Да. Сильный шаман с Севера, — голос Василия стал почтительным. — Самый загадочный из всех. Ему известно, что скрыто. И если он сейчас здесь... Значит, грядет что-то важное. Очень важное.

В центре зала в кресле, которое обычно занимал Марк, восседал якутский Тойон. Исполнив в мехах смотрел на происходящее с выражением вечного спокойствия, невозмутимо поправляя трубку. Он не вмешивался в разговор, но его величественное присутствие чувствовалось даже в оранжерее.

— Улу Тойон, — прошептал Василий. — Высшая власть. Если он на твоей стороне, Терезе конец. Но он не вмешивается сразу — смотрит, оценивает. Решение примет позже. Как говорится, слово — серебро, молчание — золото.

— Что он оценивает?

— Достоин ли Марк быть вожаком. Достойна ли ты быть матерью наследника вожака. И достоин ли ребенок... жить.

У меня похолодело внутри. Я инстинктивно схватилась за живот.

Тем временем спор в зале набирал обороты.

— Марк, пойми, — Тереза взяла ладонь Велозарова, тот едва дернулся, но руку не отнял, — мы не враги тебе. Мы, твоя семья, хотим защитить вас и ребенка. Но для этого мы должны знать правду.

— Правду? — голос Марка прозвучал резко. — Ты хочешь знать правду, тетя?

— Да. Нам всем важно понимать, кто родится у Хранительницы и вожака. Оборотень, способный продолжить род? Или... — она сделала паузу и закончила тихо, почти заговорщицки: — Или человек, который выставит волков-оборотней посмешищем перед другими порождениями Хаоса.

По залу снова прокатилась волна шепота. Вервольфы перестали ухмыляться. Лугару подались вперед. Лешие нахмурились еще сильнее.

Марк молчал. Я видела, как его рука сжалась в кулак, как на скулах заходили желваки.

— А если я скажу, что это не ваше дело? — спросил он наконец. — Что ребенок — это только наше с Миланой дитя, и никто не имеет права...

— Имеет, — голос, перебивший Марка, был тихим, но без тени сомнения.

— Вась, — шепнула я, — кто это?

— Рауль Дюблан, — отозвался жук. — Вожак лугару. Самый опасный волкодлак Европы. Жестокий и сильный. Таким слово «милосердие» незнакомо.

Я пригляделась к Дюблану. Высокий, сухощавый, с породистым точеным лицом. Черные волосы стянуты в низкий хвост, безупречный пробор. Единственное, что выдавало возраст Рауля, — это две пепельные пряди у ушей и белые радужки глаз. Не серые, не голубые, а именно белые, как у слепца. Но лугару не был слепцом.

Одежда волкодлака отличалась безупречностью. Темный сюртук пошит из тонкого дорогого сукна, воротник рубашки накрахмален, высокие кожаные сапоги облегают икры.

Он поднялся из кресла медленно, плавно, будто время для него текло иначе, чем для всех.

— Таежный клан — не сам по себе, — лугару говорил спокойно, без нажима, но отчетливо и твердо. — Вы часть мира оборотней. Вервольфы в Канаде, лугару в Европе... мы все связаны. Если твой клан возглавит человек, цепочка разорвется.

Дюблан шагнул вперед и продолжил:

— Человек не обернется в волка, не почует врага. Человек стареет, болеет, век его недолог. Что подумают другие кланы? А враги — те, кто только и ждет нашей слабости? Они увидят: Велозаровы больше не волки. Велозаровы выродились. Они поставили во главу человека. А значит, с ними можно не считаться. Их земли легко забрать, а стаю уничтожить. А потом они ударят по нам, — Рауль обвел взглядом зал. — Мы против, потому что ваш позор ляжет на всех нас. Честь крови — это выживание. Если один клан сдаст позиции, другие не устоят. Поэтому да, мы имеем право знать. И имеем право голоса.

Канадские вервольфы перестали ухмыляться. Рыжий со шрамом и сломанным носом сжал кулаки, и я впервые увидела на его лице не скуку, а злость.

Я прижалась лбом к кадке с фикусом, чувствуя, как к горлу подступает ком горечи. Василий молчал.

Марк медленно повернулся к говорившему и несколько секунд смотрел в белые глаза — спокойно и даже лениво.

— Ты пришел в мой дом, Дюблан, — сказал он наконец. — Ел мой хлеб. Пил вино. И теперь учишь меня жизни? — он коротко усмехнулся. — Честь крови? Выживание? Запомни: в моем доме говорят только тогда, когда я разрешаю. А ты пока не получил разрешения.

— Марк! — Тереза шагнула между ними. — Не надо! Никто не хочет драки. Мы желаем мира. Хотим понять...

— Понять? — Марк вдруг улыбнулся, но улыбка вышла наигранной. — Хорошо. Я скажу вам о том, что узнал.

Все замерли в ожидании.

— Мой ребенок — человек.

По залу пронесся вздох. Кто-то ахнул, кто-то начал перешептываться. Лугару переглянулись. Вервольфы присвистнули. Даже лешие вздрогнули...

Дверь открылась, и в зал вошел Алекс. Непринужденно. Нагловато. Будто имел право появляться здесь, когда вздумается.

Черные волосы всё такие же непослушные, челка падает набок. Рубашка наполовину заправлена в потертые джинсы. Я узнала ту самую небрежность, которая была в нем, когда он рассекал на байке по улицам Таёжного в компании друзей.

Марк не шевельнулся. Даже когда Алекс прошел мимо него. Но я уловила, как его пальцы на спинке кресла чуть сжались.

Азаров не взглянул на Марка. Прошествовал через зал, лавируя между гостями, и устроился в дальнем углу, где стоял диванчик с миниатюрным столиком, на котором лежали журналы. Алекс взял первый попавшийся, уселся, закинув ногу на ногу, и сделал вид, что читает.

Абсолютно невозмутимый, будто чужой этому совету. И в то же время — свой.

У меня екнуло сердце.

— Это же Алекс, — прошептала я.

— Вижу, — голос жука стал серьезным. — Твой бывший, из-за него три года назад вся эта каша заварилась... — Василий помолчал. — А он ничего так, для оборотня, которого считали мертвым, выглядит неплохо. Но как Тереза на него смотрит!

Тетушка действительно взирала на Алекса с непонятным мне торжеством.

— Кажется, понимаю, куда она клонит, — прошептал Василий. — Этот парень — чистокровный оборотень. Племянник Марка. Наследник рода. Идеальная замена.

— Замена?

— Ну да. Если ваш с Марком ребенок — человек, значит, он не может возглавить клан. По их дурацким законам. А Алекс может. И Тереза сейчас это всем продемонстрирует. Смотри.

Волчица между тем шагнула вперед, оказавшись в центре зала, и заговорила:

— Господа! Позвольте представить вам того, кто многим, возможно, не известен. Алекс Азаров, мой внучатый племянник. Прямой потомок рода Велозаровых по мужской линии. Чистокровный оборотень.

Алекс едва заметно улыбнулся и перевернул страницу.

— Он долгое время отсутствовал, — продолжила Тереза, — но теперь снова здесь, чтобы занять свое законное место в семье. В клане. И, возможно... — она сделала паузу, бросив многозначительный взгляд на Марка, — чтобы напомнить всем о мощи рода Велозаровых. Мы не вырождаемся, клан сильных воинов перед вами.

Глава 8

Со всех сторон слышался шум. Лугару одобрительно закивали. Дюблан опустился в кресло так же плавно, как и вставал, и сложил руки на коленях. Белые глаза смотрели на Алекса не мигая.

Вервольфы переглянулись с новым интересом. Лешие нахмурились еще сильнее.

— Вась, — прошептала я, — давно хотела спросить. Почему у Алекса фамилия Азаров, а у Марка Велозаров? Они же родственники.

— Приставка «VELO» означает великий, вожак, вождь. Если Алекс им станет, поменяет фамилию на Велозаров. Тереза тоже Велозарова, потому что она альфа-волчица в калифорнийской стае.

Марк стоял, как каменное изваяние. Только желваки на скулах проявились несколько раз и исчезли. На лице мелькнула насмешливая улыбка. Взгляд оставался сосредоточенным. Он позволил себе один короткий вздох — слишком глубокий для обычного дыхания. Я знала, что это значит: в легких вожака закипает тьма. Та, что просыпается, когда кто-то идет против его стаи. Или его семьи.

— Алекс не претендует на место вожака в тайге, — Тереза заговорила мягко и вкрадчиво. — Нет-нет, что вы! Марк — наш вожак здесь, и мы все уважаем его выбор. Но когда встает вопрос о будущем рода, о наследнике... мы должны быть честны перед собой, — она повернулась к Марку и уставилась ему в лицо: — Ты сам сказал, Маркуша, что твой ребенок — человек. Он не сможет возглавить клан. Не сможет защитить его в трудный час. А клану нужен сильный лидер. С чистой кровью. С истинной силой.

— И ты хочешь, — голос Марка прозвучал обманчиво спокойно, — чтобы я усыновил Алекса? Сделал его регентом? Или, может, сразу передать ему власть?

— Я предлагаю подумать о будущем, — Тереза развела руками. — Алекс молод. Силен. У него чистая кровь. И он... свободен. У него нет обязательств, нет семьи. Он может стать тем, кто подхватит знамя, если... если вдруг что-то случится.

— Если вдруг что-то случится с моим ребенком? — уточнил Марк ледяным тоном.

— Я этого не говорила, — улыбнулась Тереза.

Алекс оторвался от журнала и взглянул на Терезу. В его темно-карих глазах мелькнуло что-то непонятное. Ненависть? Злость? Мечь? Злорадство?

Я не разобрала.

— Вась, — прошептала я, — что мне делать?

— Пока ничего, — ответил жук. — Смотреть и слушать, зapaмывать, кто на чьей стороне. Потому что эта война только начинается. И Алекс здесь — главный козырь Терезы. Или мина замедленного действия.

— Почему мина?

— Потому что он любит тебя, глупая. Это видно невооруженным глазом. Даже через журнал. А значит, он непредсказуем. Тереза думает, что контролирует его, но сердцу не прикажешь. Такие, как Алекс... неуправляемы.

И тут раздался голос. Тихий, скрипучий, таинственный:

— Вожак.

Все обернулись.

Саамский Нойд поднялся с места. Его одежда из оленьей шкуры мягко шуршала, лиса, прикидывавшаяся воротником, махнула хвостом. Глаза Нойда — выцветшие, но пронзительные — посмотрели на Марка в упор.

— Ты сказал, что ребенок — человек. Но может ли дитя оборотня и Хранительницы быть просто человеком?

Спину Марка снова пронзило напряжение.

— Я задаю вопрос, вожак, — Нойд сделал шаг вперед, — дитя твоей плоти и крови Хранительницы. Дитя, прошедшее петлю времени... Дитя, которое росло в утробе, пока вы сражались с Харги. Ты хочешь сказать, что в нем нет силы?

Все опять загудели. Лугару подались вперед. Вервольфы перестали ухмыляться.

Марк молчал. Долго. Очень долго.

— Я не знаю, есть ли у него сила, — произнес он наконец. — Возможно, ребенок — просто человек.

Нойд прищурился. Его усталые глаза впились в лицо Марка, пытаясь прочесть правду.

— Странно, — произнес он. — Очень странно. Я чувствую в этом ребенке нечто необычное. Но ты, отец, говоришь, что не знаешь.

— Не знаю, — отрезал Марк, и его тон не допускал дальнейших расспросов.

Нойд покачал головой, но спорить не стал. Вернулся на свое место, погладил лису и устал вился в пространство.

Я удивленно посмотрела на мужа.

— Почему?! Вась, почему он молчит? Ребенок же очень сильный! Марк знает об этом!

Я было рванула вперед, готовая выскочить из укрытия, вбежать в зал и закричать: «Малыш не просто человек! Он сильнее всех вас!»

— Сидеть! — рявкнул Василий. Впервые в жизни я слышала, чтобы жук рявкал. — Тихо! Ни с места! Марк знает, что делает.

— Ложь, — проговорил Нойд негромко, но в тишине зала его все услышали. — Ты лжешь, вожак. Ты знаешь, и мы это чувствуем.

Марк выдержал его взгляд.

— Я сказал, что сказал.

Нойд прищурился. Медленно и многозначительно...

Из кресла, обитого бархатом, поднялась мощная фигура якутского Тойона, и в зале сразу стало тесно. Большая золотая гривна на груди ярко блеснула. Он повел головой, хрустнув шеей. По залу громом прокатился его голос:

— Предлагаю ожидать. Нам нужен мир, а не война.

Тойон пыхнул трубкой и сел обратно. Кресло жалобно скрипнуло.

Лешие завозились. Дед Корень почесал косматую бороду, и на пол упали две шишки. Он повернулся к Марку и негромко сказал:

— Жена у тебя ладная, вожак. Лес любит. Мы чуем.

Белобок, стоявший рядом, кивнул и добавил:

— Это главное.

Лугару не вставали. Дюблан чуть склонил голову к плечу — точь-в-точь как хищная птица, присматривающаяся к добыче.

— Не примем, — произнес он тихо, без эмоций. — Человек не может быть вожаком.

Вервольфы недовольно вздохнули. Рыжий, одноглазый, которого, как потом выяснилось, зовут Бьорн, зевнул, не прикрывая рот, и почесал грудь под мятой кожанкой.

— И чё? — буркнул он с досадой. — Всё? Драки не будет?

Прозрачные фигуры албаст под потолком переносились с люстры на люстру, оставляя за собой сияющий след. Одна из них замерла, повиснув вниз головой, застрекотала что-то подружкам — те зашлись беззвучным смехом, рассыпая вокруг бледные искры.

Урулы переглядывались молча. Старый, с бородой из тонких струек воды, наклонился вперед. Кожа его переливалась, как влажный камень на солнце.

— Реки не должны пересыхать, — сказал он журчащим голосом. — Хранительница нужна сильная. Пусть ребенок будет сильный.

Он замолчал и откинулся назад. Вода в его бороде продолжала течь и брызгать фонтаном.

Марк выслушал, медленно обвел взглядом зал, никого не пропуская, и заявил:

— Благодарю всех, кто пришел. А теперь прошу удалиться.

Он шагнул вперед. Луч солнца из окна осветил его серьезное, напряженное лицо.

— И запомните, Милана — моя жена. Мать моего наследника. Если кто-то посмеет угрожать ей или не встанет на защиту, он станет моим личным врагом.

Супруг подошел к камину и оперся рукой о полку, глядя в огонь. Будто ему стало всё равно, кто что думает, что ответит. Словно уже всё произнесено.

В зале повисла тишина. Только вода в бородах урулов журчала едва слышно, нарушая безмолвие.

Первыми задвигались вервольфы.

Тяжело, вразвалочку, не скрывая разочарования, они двинулись к выходу. Бьорн хлопнул ладонью по косяку — глухой удар разнесся по залу.

— Зря летели, — громко буркнул он и скрылся в темноте коридора.

Лугару поднимались плавно, будто нехотя. Дюблан вышел первым. Женщина в дорогом платье задержалась на пороге, обернулась, скользнула взглядом по стеклянной стене, за которой пряталась я, и бесшумно исчезла вслед за остальными.

Урулы растворились в дверях. Только журчание медленно затихло вдалеке.

Лешие замешкались. Дед Корень посмотрел на цветочную галерею и коротко кивнул. Белобок подтолкнул его в спину, и они вышли, пахнув напоследок хвоей.

Албасты улетели быстро. Их искры посыпались дождем, на мгновение вспыхнули в воздухе и погасли.

Нойд задержался возле Марка. Пригладил лисицу и вышел, не оглядываясь.

Тойон поднялся последним. Долго смотрел на Велозарова, но тот стоял у камина и не оборачивался. Тойон выпустил дым, кивнул чуть заметно, будто сам себе, и перешагнул порог.

В зале остались только Тереза, Алекс и Марк.

Муж казался спокойным, но шрам у виска налился бордовым цветом, а левая рука, которую видела только я, сжималась в кулак. Большой палец ходил по костяшкам — туда и обратно. А потом Марк повел шеей — коротко, жестко, будто разминался перед схваткой. Я даже подумала, что сейчас начнется драка, но он развернулся и направился к выходу.

Я рванула к потайной лестнице, взлетела в комнату, задвинула панель и плюхнулась на кровать, схватив первую попавшуюся книгу.

Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно во всем доме.

Через минуту в коридоре раздались шаги и голос Кайла:

— Всё тихо. Она, наверное, уснула.

Марк вошел утомленный, увидел меня с книгой, и его лицо смягчилось.

— Солнышко, — он сел на край кровати и взял мою руку, — ты как?

— Устала, — соврала я. — Очень устала.

Он лег рядом, притянул меня к себе и шепнул:

— Спи. Я с тобой. И никого к тебе не подпущу.

Да уж, уснешь тут! Из головы не выходила сцена в гостиной. Перед мысленным взором стояла улыбка Алекса. Дым Нойона. Взгляд Терезы. И тысячами вопросов отзывалось в глубине души молчание Марка.

Почему он не сказал им правду? Почему не стал на защиту ребенка и не поведал о его силе?! Ведь наш малыш помог заточить Харги в разлом! Разве это не чудо? Разве таким не гордятся?

Марк стоял там, внизу, под взглядами десятков чужих глаз и говорил: «Возможно, он просто человек».

Сухо. Пусто. Будто и нет в нашем малыше ничего особенного.

Я видела лицо Марка в кабинете УЗИ. Он был счастлив. Абсолютно счастлив. Или мне показалось? Может, просто не хотел меня расстраивать? Может, уже тогда понимал, что ребенок-человек — это проблема? Что чистокровные оборотни не примут его, что кланы отвернутся?

Во мне вскипело что-то горячее, сильное. Материнский инстинкт взметнулся факелом.

Ребенок — моя гордость! Никому не позволю принижать его величие, слышишь, Марк? Никому! Даже тебе. Если потребуется, уйду, исчезну. Тайга большая, бескрайняя. Лешие не выдадут, урулы помогут спрятаться, албасты запутают следы. Нас не найдут. Ни Тереза, ни лугару, ни...

Я остановила себя. Неужели готова бежать и от Марка?

Мысль была такой горькой, что я прикусила губу и ущипнула себя за запястье. Лишь бы не разреветься.

— Вась, — позвала я мысленно, — ты здесь?

— Ага.

— Давай еще раз. По порядку. Кто за меня, кто против. На кого можно опереться, если что.

— Слушай и запоминай. — Василий зашевелился в браслете, словно устраивался поудобнее. — Тереза — против, ты сама видела. Она не просто против, она главный ззаговорщик. Лугару с ней ззаодно. Чистота крови для них дороже жизни.

Я кивнула.

— Вервольфы... — продолжил жук, — эти как ветер подует. Им все равно, ну или они пока не определились. Но в драку полеззут с радостью. На чьей стороне — вопрос случая.

— Лешие — за меня.

— Да. Преданы лесу, а ты Хранительница. Будут ззащищать до последнего корня.

— Урулы?

— Тоже. Вода не любит грязных игр. Они твои.

— Нойд?

— Ззагадка. Шаман видит больше других, но молчит. Пока не определился. Смотрит, лису гладит. Такие, как он, либо спасают, либо уходят в сторону в самый важный момент.

— Тойон?

— Высший судья. Решит, что правда зза тобой — горы свернет. Ну а если почувствует в ребенке угрозу... — Василий запнулся. — Но он не враг. Пока.

— Албасты — сплетники.

— Да. Подружишься с ними, и будь уверена, что они и подсмотрят, и подслушают, и предупредят. Только держи ухо востро: их болтливость может навредить.

Я перебирала в памяти лица.

— А Марк? — спросила я вдруг. — К какому стану его отнесешь?

— Это ты мне скажи. Ты его жена. Я со стороны вижу только одно: он молчал не потому, что стыдится. А потому, что боится. Зза вас боится. Но тебе решать, верить в это или нет.

Я сглотнула.

— А Алекс?

— Не ззнаю. Он ззагадка почище Нойда. Слишком спокойный. Слишком уверенный. Такие или ззаступаются, или предают в самый ответственный момент.

— Думаешь, он опасен?

— Я думаю, — Василий зевнул, — что ты устала для таких рассуждений. Несколько часов сна не помешают ни тебе, ни мне.

Голову пронзила новая мысль.

— Вась, мне понятна озабоченность оборотней вопросом чистоты крови, но при чем здесь лешие, урулы, албасты? Нойд и якутский Тойон? Им какое дело?

Василий вздохнул:

— Твой ребенок не просто наследник клана. Он дитя Хранительницы, которая связана со всеми. Если тайга ослабнет — они ослабнут. Лешим нужен сильный страж леса. Урулам необходима вода, которая следует за Хранителем. Им важно знать, не пересохнут ли источники. Албасты оберегают сны и предзнаменования. Если мир пошатнется, сны станут кошмарами. Им нужно знать, чем пахнет будущее. Нойд видит нити судьбы. Ему важно, чтобы они не оборвались. Он пришел проверить, не несет ли твое дитя конец света. Якутский Тойон старше всех. Ему плевать на оборотней. Он следит за равновесием. Если ребяенок это равновесие нарушит, Тойон вмешается. Если сохранит — благословит.

Я молчала, переваривая информацию.

— Получается, они все пришли не из-за Марка? Не из-за оборотней?

— Получается, глупая, что они пришли из-за тебя. И твоего пузза, — Василий снова зевнул. — Ты Хранительница. И что бы ни говорили эти напыщенные лугару про чистоту крови, для леса, воды, воздуха и древних сил ты главная. Мала птица, да ноготок остер. А твой ребенок — будущее. Хорошее или плохое, пока не ясно. Но точно важное. Думаешь, УЗИ случайно сломалось во время осмотра?

— А это, по-твоему, что-то значит?

— Ну... точного ответа не знаю, но явно неспроста. Может, чтобы Тереза не узнала истинную мощь и силу ребенка?

У меня было еще множество вопросов, но тело уже не слушалось. Веки тяжелели, мысли путались, превращаясь в туман. Малыш на экране, лиса Нойда, улыбка Алекса, взгляд Терезы — все смешалось в калейдоскопе, который медленно угасал.

Глава 9

После пробуждения я ворочалась в постели, пытаюсь найти удобное положение. За окном вечерело. Тонкий полумесяц отразился в зеркале и спрятался за тучу.

Снизу снова донеслись голоса: Марк и Тереза спорили.

Я прислушалась. Слов не разобрать. Тон волчицы, вкрадчивый, масляный, стелился низко. Марк отвечал отрывисто. Он сдерживался, но был на пределе. Я это чувствовала.

Ох уж эта Тереза!

Во мне вскипело возмущение. На сегодня хватит! Сейчас спущусь и скажу ей всё, что думаю. Всё, что копилось с момента, когда она впервые оказалась в моем доме.

Я встала с кровати. Если уж идти на войну, то при полном параде.

Я долго рылась в недрах гардеробной, один за другим отбрасывая наряды. Слишком просто. Не то. Слишком роскошно. Не то. Изысканно, но не властно. Ах, боже мой! Наконец пальцы наткнулись на что-то невесомое, скользкое и прохладное.

Шелковый халат. Длинный, струящийся, нежно-розового цвета, с перьями по краям широких рукавов. Перья — белые, мягкие, колышутся при движении, делая меня похожей на диковинную птицу. На женщину, которая не просто вышла из спальни, а явилась! Снизойшла до гостей.

Я накинула халат поверх короткой ночной сорочки, затянула пояс. Заколола волосы на макушке, выпустив несколько прядей.

Мне хотелось выглядеть полноправной хозяйкой этого дома. Шикарной. Безупречной. Одним видом поставить Терезу на место. Чтобы она поняла: здесь я решаю. Я жена вожака. Мать его ребенка. А она всего лишь гостья, которая... задержалась.

Я распахнула дверь спальни и устремилась вниз по лестнице. В гостиную ворвалась фурией.

Перья на рукавах взметнулись, халат взвился крыльями, каблуки — я успела втиснуться в туфли! — громко застучали по паркету. Я влетела в центр зала и остановилась, сверкая триумфальным взглядом.

Марк сидел в кресле у камина с бокалом виски. Увидел меня и замер. Глаза его расширились, брови поползли вверх. Кажется, у него сперло дыхание.

Тереза стояла у окна с чашкой чая. При моем появлении чашка дрогнула.

— Милая Тереза, — мой голос сочился ядом, — не слишком ли рьяно вы пользуетесь нашим гостеприимством?

Она открыла рот, но я не дала ей и слова вставить.

— Сначала увязываетесь за нами в клинику. Против нашей воли, заметьте. Потом разносите всем информацию о результатах исследования, а это, между прочим, медицинская тайна! — я ткнула пальцем в ее сторону. — Я на вас в суд подам!

Тереза побелела.

— А сегодня! — я повысила голос. — Сегодня вы выставили нас перед гостями в неприглядном свете! Нас, хозяев! Вы ведете себя как главная, словно это ваш дом, ваш совет, ваша власть. И при этом смеете угрожать моему ребенку?! — я перевела дыхание и рывкнула: — Я вас в порошок сотру! Вместе с лугару и остальными прихвостнями!

Тереза отшатнулась. Чашка выскользнула из ее пальцев, упала и разбилась, тонко звякнув на прощание. Волчица смотрела на меня ошарашенно.

— Милана, деточка... — залепетала она, и ее глаза заблестели. — Я не хотела... Ты все не так поняла... Мы же семья... Я забочусь о вас...

— Заботитесь? — я наигранно расхохоталась. — Своей заботой вы дорогу в ад вымостите!

Я устремилась к дверям цветочной галереи, распахнула их широким жестом и обернулась:

— Мне всё известно! Всё!

И только тут я увидела, что в углу сидит Алекс.

Он наблюдал за мной, откинувшись на спинку кресла и положив ногу на ногу. Его взгляд скользил по мне сверху вниз — медленно, неспешно, будто смакуя каждую деталь. Алекс закрыл журнал, но не сменил непринужденной, почти хозяйской позы.

В его глазах сквозило восхищение и что-то темное, что заставило меня смутиться. Я почувствовала, как щеки заливают краска.

— Милана, — голос Марка прозвучал резко, возвращая меня в реальность.

Я обернулась. Он был... напряжен. Очень напряжен.

— Дорогая, — продолжил Марк мягче, ставя бокал на столик. — Будь добра, принеси мне чай. А потом... может, переоденешься? — он чуть заметно кивнул на мой наряд. — Здесь прохладно.

Я перевела дыхание, поправила халат, запахнув его поплотнее, и гордо вышла из зала.

В коридоре остановилась и прислонилась к стене.

— Ну ты даешь, — послышался из браслета восхищенный шепот Василия. — Тигрица! Прямо горжусь. Но насчет переодеться... Марк прав. А то этот твой бывший... у него слюна чуть на пол не упала.

— Молчи, — прошипела я. — Дай прийти в себя.

— Молчу, молчу. Но чай-то отнеси. А то еще подумают, что ты сбежала. Помнишь, как в той пословице: хвалилась, хвалилась, да в яму и свалилась.

Я туго завязала пояс, одернула рукава и направилась в кухню.

Мысли путались. Тереза плакала? Или мне показалось? Не перегнула ли я палку?

Я заварила Марку его любимый крепкий чай с бергамотом. Кружка нагрела ладони. Я сделала глубокий вдох и направилась к лестнице, чтобы подняться и сменить наряд, но перед дверью гостиной замерла и прислушалась.

Голоса я слышала отчетливо.

Тереза щебетала всё тем же лилейным тембром, от которого у меня сводило скулы:

— Марк, поверь, я не угроза твоей семье. И не желаю зла внучатому племяннику, кем бы он ни был. Алекс здесь не для того, чтобы претендовать на место вожака клана. Он улетит в Америку, как мы и решили. Не так ли, Алекс?

Азаров молчал.

Тереза продолжила, и в ее интонации зазвучали жалобные нотки:

— Поверь, рано или поздно все узнали бы, что в утробе Миланы не оборотень. Зато сейчас мы увидели, кто на вашей стороне, а кого надо опасаться. Это же так ценно! Ну что поделать, если ребенок уродится человеком... В любом случае это твой выбор...

«Уродится человеком»? Тереза сделала ударение на «о»? Случайно или намеренно подчеркнула, что мой ребенок — урод?

Мысль хлестнула, как пощечина.

Кружка дрогнула в руках. Чай пролился на пол.

Не помня себя от злости, я снова влетела в гостиную.

— Вы считаете, — голос мой звучал тонко, едко, — что оборотни, порождения Хаоса, выше людей?

Марк вскинул голову. В глазах мелькнуло недовольство и отчаяние, но он тут же взял себя в руки и сдержанно произнес:

— Милана, принеси, пожалуйста, и сахар.

Я даже не посмотрела в его сторону — сверлила взглядом Терезу, которая сделала шаг назад и картинно прижала руки к груди, словно прячась от угрозы.

— Вы считаете, — повторила я, наступая, — что мы, люди, ниже вас? Хуже? Глупее? Потому что не умеем превращаться в волков и читать мысли?

— Милана! — голос Марка стал жестче.

Но я не могла остановиться.

— Так вот, знайте! — я ткнула пальцем в сторону Терезы, Алекса, пустых кресел, где еще недавно сидели лугару. — Я человек! И я победила Харги! Мой ребенок будет человеком! И это не позор, а гордость! Он не «уродится», а придет в этот мир! И мне плевать, кто что об этом думает!

Я развернулась.

— А ты, — мой взбешенный крик предназначался Алексу, — води себя в гостях подобающе! Нечего разваливаться в кресле и хватать мои журналы!

Я подскочила к нему, вырвала журнал из его рук и швырнула на пол.

Азаров послушался, сменил позу и расплылся в улыбке, словно был счастлив оказаться в центре гнева. Но меня это не волновало... Да меня в этот момент вообще ничего не волновало, кроме ребенка. Я побежала по коридору, шагнула на лестницу, запнулась и чуть не упала.

— Марк, у девочки бушуют гормоны. Мы всё понимаем, — долетели до меня слова Терезы.

Подступили слезы, сбилось дыхание. Кое-как добравшись до спальни, я закрыла дверь на ключ.

Велозаров постучался в комнату не сразу, минут через десять, что обидело еще больше. Конечно, там, внизу интереснее, тот разговор важнее плачущей жены. Ну и пусть идет к своим оборотням. Завтра улечу к Кате и поживу у нее несколько дней, а может, недель. Или вообще останусь до родов. Ссориться с ним и объяснять что-то не стану. Буду вежлива, но холодна. Возьму эмоции под контроль, а сейчас ни за что не открою. Пусть стучится сколько влезет. Меня здесь нет. Мы с малышом уснули.

Я накрыла голову подушкой, чтобы не слышать его голоса за дверью, расплакалась и даже не заметила, как провалилась в сон.

Глава 10

Солнечные лучи пробились через шторы и нарисовали полосы на кровати. Воспоминания о вчерашних событиях навалились сразу — стоило открыть глаза.

Тереза. Алекс. Журнал, брошенный на пол. Собственные слезы и Марк, который так и не достучался.

Я села, прислушалась: в доме тихо. Умылась ледяной водой и долго смотрела в зеркало. Глаза припухшие, вид помятый, но в душе серьезная решимость: сегодня улечу к сестре. Никто меня не остановит. Никаких разговоров, упреков, слез. Сделаю то, что должна.

Я спустилась на кухню.

Марк сидел за столом. Увидел меня, и в его глазах мелькнуло что-то тревожно-виноватое. Он поднялся и шагнул навстречу.

— Солнышко, — голос мягкий, осторожный. — Я бутерброды с беконом приготовил. И жасминовый чай.

На столе действительно стояла тарелка с аккуратно сложенными бутербродами и кружка, от которой поднимался тонкий ароматный пар.

Я продефилировала мимо, будто не заметив протянутой руки. Подошла к плите, взяла другую чашку и налила чай сама.

— Спасибо. Ты очень заботливый.

Повернувшись к нему, спокойно и учтиво улыбнулась. Будто ничего не случилось.

— Извини за вчерашнее, — мой тон звучал ровно. — С Терезой всё хорошо?

Я смотрела на чайник, на бутерброды, в окно. Куда угодно, только не в его глаза. Если бы встретила этот тревожный взгляд — сдалась бы. А сдаваться нельзя.

— С Терезой... — он запнулся. — Да, всё в порядке. Улетела в Хабаровск.

Я кивнула. Пригубила чай.

— Марк, ты обещал, что отвезешь меня к сестре. Она ждет.

Он молчал.

— Хорошо. Распоряжусь, чтобы вертолет подготовили, — в мягком баритоне слышалась расстроенные нотки. — Солнышко, — начал он снова, — насчет вчерашнего...

Я подняла руку, останавливая его.

— Не надо. Мне неудобно за свое поведение. Не знаю, что на меня нашло. Можно попросить не задавать вопросов?

— Ладно. Как скажешь.

Я поднялась в спальню, кинула в сумку самое необходимое. Руки двигались быстро, на автомате — лишь бы не останавливаться, не думать. Марк стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку, и молча наблюдал за моими сборами. Я чувствовала его взгляд. Каждое мое движение он будто сканировал, ловил малейшую заминку. Но я не оборачивалась. Знала, стоит встретиться с ним глазами — и вся решимость улетучится.

— Лана, — тихий, хриплый голос потревожил тишину.

Я замерла, так и не опустив в сумку свернутый свитер.

— Посмотри на меня. Просто посмотри.

Я медленно повернула голову. Марк не двинулся, но в его глазах — этих любимых янтарных глазах — было столько грусти, что у меня перехватило дыхание.

— Всё готово, — я натянула улыбку на лицо и двинулась к выходу.

В вертолете устроилась у окна и сделала вид, что сплю. Марк сидел рядом, молчал.

Иногда я приоткрывала глаза и смотрела вниз. Тайга лежала под нами, вышитая белым на темно-зеленом фоне: миллионы снежных шапок, укрывающих деревья; переплетения рек подо льдом; кружево звериных троп, которые ни один человек не разглядел бы с земли. На

этой бескрайней вязаной скатерти поселков почти не было видно — только иногда мелькал крошечный сруб, нитка дыма, искра света. Где-то там, впереди, меня ждал родной городок. Ждала Катя. Ждала моя старая жизнь, в которой не было ни оборотней, ни абасов, ни Терезы... Там была просто я — Милана Морозова. Сестра. Дочь.

Мы приземлились на футбольной площадке недалеко от моей пятиэтажки. Я отстегнула ремни, подхватила сумку.

— Я провожу, — сказал Велозаров и поднялся с места.

— Не надо. Сумка не тяжелая. Здесь близко. Сама дойду.

— Милана...

— Марк, — я перебила его мягко, но твердо, — пожалуйста. Дай мне немного времени. Позже позвоню.

Я вышла из вертолета и направилась к подъезду. Сердце колотилось быстро, но я шагала и старалась не смотреть на мужа, следующего за мной в паре метров.

Я поднялась на четвертый этаж, замедляя шаг на каждой площадке. Живот как-то незаметно быстро округлился, и идти по лестнице стало тяжеловато.

Дверь квартиры распахнулась раньше, чем я успела постучать.

— Лана!

Катя стояла на пороге — растрепанная, в фартуке, руки в муке, глаза сияют. А из глубины квартиры так знакомо тянуло запахом сдобы, что у меня защемило в носу.

— Заходи, заходи быстрее! — она втащила меня внутрь, обняла, и я наконец-то позволила себе облегченно вздохнуть. — Пончики уже заждались. С шоколадной крошкой, как ты любишь.

И я разрыдалась. В мамин халат, который был на Кате. Заревела громко, по-детски, уткнувшись сестре в плечо.

Потому что соскучилась. Здесь всё родное, а я так долго отсутствовала... Потому что пришлось не ко двору оборотням. Еще и аппарат УЗИ сломался... Где-то в глубине души терзали сомнения. Устроила непонятно что, надулась на ровном месте, огорчила мужа, которого, между прочим, люблю... Я ругала себя, но продолжала обижаться. Во мне накопилось столько страхов, грусти и эмоций, что я редела до икоты.

— Тихо-тихо, — Катя гладила меня по спине, как в детстве, — ты дома. Всё будет хорошо.

Час пролетел как мгновение. Мы с Катей сидели на кухне, пили чай, и я рассказывала про Терезу, совет, про то, что лугару говорили о малыше как о прокаженном. Катя слушала, поджимала губы, качала головой, но молчала. Только гладила меня по руке и пододвигала тарелку с пончиками ближе.

— Ешь, — приговаривала она. — Тебе сейчас за двоих надо. А эти... переберется.

В дверь тихо постучали. Сестра пошла открывать, а я замерла у кухонного проема. Прислушалась. Щелкнул замок, и в коридоре раздался голос Марка — тихий, неуверенный, непохожий на тон жоака, который вчера метал громы и молнии в гостиную.

— Здравствуйте... Можно?

— Проходи. Мы как раз чай пьем.

Я выглянула из-за угла.

Велозаров держал в руках пакет — наверное, гостинцы. Он посмотрел на меня и замер, словно спрашивая разрешения.

Из комнаты вышел Андрей — высокий, спокойный, в домашней футболке и тренировочных штанах. Он протянул Марку руку.

— Здорово. Проходи на кухню, чего в дверях стоять.

Я сделала вид, что занята — провела пальцем по столешнице, развернулась и ушла в ванную, плотно прикрыв за собой дверь. Прислонившись к раковине, посмотрела на себя в зеркало. Вот дура. Чего ты от него хочешь? Чтобы он на колени встал? Или что?

Из кухни доносились голоса. Я прислушалась.

— Предложение серьезное, — говорил Марк. — Я понимаю, что неожиданно, но должность генерального директора — это не просто работа. Это уровень. Ты же физик-ядерщик по образованию, тебе должно быть интересно.

Генеральный директор? Марк предлагает Андрею должность генерального директора?

— Оборудование там импортное, технологии новые, — продолжал Велозаров. — Я давно присматривался к твоему резюме, но всё как-то не складывалось. А сейчас подвернулся случай. Ты подумай. Никаких обязательств, просто подумай.

Андрей молчал. Я представила, как он сидит за столом и привычно потирает подбородок.

— Спасибо, Марк, — ответил он наконец. — Честно, неожиданно. Но... мне на днях из Москвы звонили. Тоже предложили место. Институт ядерных исследований, лаборатория. Очень интересная тема. Скорее всего, соглашусь.

Я прикрыла рот, чтобы не рассмеяться. Не нужны нам ваши подачки, господа оборотни. Мы, люди, сами как-нибудь!

— Что ж, — голос Марка звучал спокойно, — Поздравляю. Столица — это уровень.

— Да, — Андрей хмыкнул. — Только Катю уговорить надо. Она у меня домоседка.

— Ничего не домоседка! — возмутилась сестра. — Просто в Москве бешеный ритм. Но мы справимся.

Через минуту она позвала меня к столу.

Марк не лез с разговорами и не делал ничего, что можно было бы расценить как попытку помириться. Просто сидел и смотрел на меня, но я упрямо не поднимала глаз. Откусила пончик. Прожевала. Запила чаем, снова откусила.

— Вкусно, — сказала я, обращаясь к Кате.

— Ешь-ешь, — кивнула та, переводя взгляд с меня на Марка и обратно.

Андрей, кажется, тоже решил, что лучше помалкивать. Ну да, семейные разборки — зрелище не для слабонервных.

Я встала, шагнула в коридор и бросила:

— Хочу почитать немного. И поспать.

К вечеру я стала отходить.

Ну глупая до невозможности! Столько раз себе обещала, столько раз ему говорила: буду доверять, слушаться, рассказывать, не стану замыкаться, а тут надулась. А из-за чего, собственно?

Я остановилась посреди комнаты, прижимая ладони к животу.

Из-за чего?! Из-за того, что Марк не заткнул Терезу. Промолчал. Не вступился.

Или вступился? Мне вспомнилось: «Если кто-то посмеет угрожать или не встанет на ее защиту — будет моим личным врагом». Он же произнес это, произнес при всех. При лугару, вервольфах, Терезе... Но тогда почему не осадил тетку сразу?

И главное — почему не рассказал им о силе ребенка? Не похвастался, не возгордился, не ткнул их носом в то, что малыш необыкновенный?!

Значит, стесняется? Значит, ему важнее мнение этих, с белыми глазами, чем правда о собственном ребенке?

Гнев снова вскипел в груди, вытесняя жалость.

Я уже шагнула к двери, чтобы выйти и высказать ему в лицо, когда в прихожей раздались тяжелые шаги.

— Марк, надо лететь, — прозвучал встревоженный голос Кайла.

Я застыла, прислушиваясь.

— Что случилось?

— Лугару вернулись, — ответил Роман глухо. — Ждут у ворот дома. Требуют встречи. Говорят, дело срочное. Дюблан с ними.

Я затаила дыхание.

— Хорошо, — ответил Марк, — Роман летит со мной. Ты остаешься здесь.

— Понял.

Я слышала, как открылась дверь. Шаги Марка замерли на пороге.

— Милана! — позвал он.

Я не ответила. Стояла, прижавшись спиной к стене, и теребила карман халата, кусая губы.

— Милана, — повторил он громче. — Мне надо лететь. Это важно. Вернусь, как только смогу. Слышишь?

Я молчала.

Он подождал. Секунду. Две. А потом хлопнула дверь.

Я выскочила из квартиры, но в подъезде было тихо.

Улетел. Я прислонилась к стене и чуть не заревела от досады и гнева на себя. Дура, чистойшей воды дура! Он направился к этим надменным лугару, а я даже не попрощалась.

Вдруг наверху послышались шаги. Марк в куртке, накинутой на рубашку, остановился на площадке между этажами, посмотрел на меня, и на его лице сверкнула улыбка.

— Ага! Выпорхнула птичка? Думала, улечу, не простившись?

Я всхлипнула и бросилась к нему.

Он поймал меня на ступеньках и крепко прижал к себе. Я просунула руки под его куртку и вдохнула самый родной на свете аромат хвои, дыма, морозной свежести — что-то дикое и надежное одновременно.

— Марк! Я очень тебя люблю. Прости, я такая глупая.

Он прижался щекой к моей макушке.

— Ничего. В дороге всё обсудим.

Я замерла. Подняла голову, посмотрела в глаза.

— Марк... я всё-таки не полечу сегодня.

— Почему?

— Мне надо окончательно прояснить ум. — Я провела ладонью по его плечам и прицепилась к невидимой соринке на куртке. — Да и с Катей нормально не пообщалась. Хочу остыть, чтобы не набрасываться на Терезу. Детство вспомнить, встряхнуться немного.

Марк изучал мое лицо, словно пытался понять, говорю ли я правду.

— Хорошо, может, это и к лучшему. Нечего бельмоглазому Дюблану лишний раз тарашиться на мою жену. Но Кайла оставляю.

— Зачем? В тайге нет угроз. А там лугару...

Марк усмехнулся.

— С лугару справлюсь, не беспокойся. А Кайл останется с тобой. Не спорь. Скоро вернусь, — шепнул Марк и поцеловал мою макушку.

Мы спустились. На улице темнело, тайга дышала холодом, где-то вдалеке урчал винтами готовый к взлету вертолет.

Марк еще раз обернулся.

— Люблю тебя, Милана Велозарова.

— И я тебя, Марк Велозаров.

Глава 11

Утро началось с запаха бульона и Катиного щебетания. На кухне всю гремели кастрюли, и этот звук был таким родным, таким домашним, что я улыбнулась, не открывая глаз. Достала сотовый, поговорила с Марком, немного полежала, прокручивая в голове его «люблю тебя». Голос звучал устало — наверное, не спал всю ночь. Дюблан прилетал не с добрым визитом, но Марк не стал рассказывать подробности, только попросил привезти Катины пончики и не отходить от Кайла ни на шаг.

Я обвела взглядом комнату. Всё те же шторы, маленький настенный светильник в форме колокольчика, компьютерный стол, полки с книгами...

Накинув халат, я сунула ноги в тапки и поплелась на кухню.

Катя стояла у плиты в мамином фартуке — мелкий цветочек, кружевные кармашки — и колдовала над огромной кастрюлей. Пар поднимался к потолку. Пахло мясом, чесноком, лаврушкой и детством.

— Проснулась, соня? — она обернулась, сверкнув улыбкой. — Давай помогай. Холодец будем варить по маминому рецепту.

Дальше был бесконечный, счастливый круговорот. Мы чистили морковку, резали курицу, спорили, сколько чеснока класть в холодец, и хохотали над каждой мелочью. Катя щебетала без умолку, перескакивая с темы на тему, и я поймала себя на мысли, как мне этого не хватало.

— Лан, — вдруг сказала сестра, помешивая бульон, — я поговорить с тобой хотела.

— Давай.

— Андрей... — она замялась, покраснела, отвернулась к плите. — Андрей предложение мне сделал.

Я замерла с ножом в руке.

— Чего молчишь? — Катя обернулась, — Если тебе кажется, что я тебя бросаю, мы, конечно, подождем.

Я подлетела к ней и сгребла в охапку.

— Дурочка! Как я могу так думать? Да я счастлива! Только скажи когда? Где?

Сестра улыбнулась и уткнулась носом мне в плечо.

— Не решили. Скорее всего, после твоих родов. Будешь моей свидетельницей?

— Еще чего! Мне по статусу положено в первом ряду сидеть и плакать. Буду причитающей «мамулей», понятно? — я отстранилась, заглянула ей в лицо и тихо рассмеялась. — Только платье себе нормальное выбери, не как тогда, на выпускной. Помнишь, с рюшами?

— Ах ты! — Катя шлепнула меня полотенцем, и мы снова захохотали.

Остаток дня мы говорили. Обо всем.

Перебрали десятки вариантов свадебных платьев, обсудили, где отмечать и кого звать. Болтали о беременности. Катя заставила меня лечь на диван, приложила ухо к животу и долго слушала, хотя оттуда доносилось лишь урчание в желудке.

— Это малыш шевелится? — спросила она серьезно.

— Да, — соврала я, чтобы ее порадовать.

Потом Катюша усадила меня за ноутбук.

— Смотри, — она открыла сайт с детскими товарами. — Надо заранее заказать одеяльце. Мне нравится вот это.

На экране красовался бежевый мягкий плед с огромным атласным бантом в углу. В описании значилось: «Гипоаллергенное, 100% хлопок».

— Шикарное, — кивнула я. — А бант не будет давить?

— Он же для красоты! — сестра ткнула меня в бок. — Ты вообще представляешь, как это будет чудесно? Маленький комочек в этом пледе... У меня сердце тает. А вы кого хотите, мальчика или девочку?

Я улыбнулась.

— Не знаю, нам без разницы. Но думаю, будет мальчик. Девчонки какие-то несерьезные, а мальчишки в самый раз. И хлопот с ними поменьше, как мне кажется.

После обеда мы собрались на улицу.

Таёжный встретил нас тишиной и запахом замерзшей хвои. Мы шли по знакомым дорожкам, а навстречу то и дело попадались соседи и приветственно обнимали меня.

Проходя мимо школы, мы остановились. Высокие окна, кирпичные колонны у дверей... Сердце уколола грусть.

— Мама...

Катя взяла меня за руку.

— Помню, как она здесь стояла, — прошептала сестра. — На линейке первого сентября. Всегда в строгом костюме, с цветами. А внутри такая мягкая, такая счастливая...

— Она тебя тоже ругала за тройки? — спросила я и шмыгнула носом.

— Еще как! — Катя усмехнулась. — Помнишь, как я химию прогуляла, а она меня в кабинете заперла и заставила таблицу Менделеева учить?

— Помню. Ты потом неделю на нее дулась.

Мы помолчали, глядя на окна директорского кабинета. Там горел свет и угадывался силуэт. Чужой силуэт.

— Пойдем, — Катя потянула меня за руку, — не то разревусь.

Мы пошли обратно, но настроение стало тише, спокойнее. Я поправила капюшон и спросила:

— Кстати, помнишь Киру Власову?

— Нет, но помню Алекса. Интересно, где он?

— Мы виделись недавно. Кажется, у него всё хорошо.

Перед мысленным взором всплыла картина: я набрасываюсь на Азарова с криком. Мне снова стало стыдно.

— Ты покраснела! — воскликнула сестра и улыбнулась. — Точно покраснела! Быстро рассказывай, что между вами? Он всё так же влюблен?

— С ума сошла? Нет, конечно! Просто я вела себя с ним как истеричка. У меня вообще последнее время сплошные гормональные срывы. На Марка вчера обиделась...

Катя остановилась, взглянула сочувственно и дотронулась пальцем до моего носа:

— Марк хороший. Очень тебя любит и понимает. Пользуйся! Ты беременная, а значит, имеешь право быть злючкой и врединой. Уже запрашивала луну с неба?

— Про луну забыла... О! Надо будет попросить, чтоб серенаду спел. В простыне!

— Ага, — прозвенела Катя, — под окном, ровно в полночь!

— Только не это! — залилась я хохотом. — Он всё-таки вожак, стая не поймет. Уж лучше луну с неба!

Вечером после ужина Катя вдруг сказала:

— Слушай, а давай завтра махнем на Унгары? Помнишь, как мы с папой рыбачили, а мама сидела на берегу и бутерброды раскладывала. Давай съездим, проветримся? Там сейчас красиво, тихо.

Я посмотрела на сестру и почувствовала, как к горлу подступает ком детских воспоминаний.

— Давай.

— Значит, решено. — Катя хлопнула ладонью по столу. — Завтра с утра выезжаем. Андрея с собой возьмем, он у нас за носильщика будет. И Кайла твоего, чтоб не ворчал.

Я улыбнулась.

— Спасибо, Катюш.

— За что?

— За то, что ты есть.

Она обняла меня крепко, как в детстве, когда я разбивала коленку или получала четверку.

— Ты тоже есть, — шепнула она. — И это главное.

Глава 12

Утро выдалось морозным и ясным.

Ноябрьское солнце золотило верхушки сосен, на ветках искрился иней, а снег, укрывший землю, лежал ровным одеялом из звездочек.

Мы загрузились в Катин старенький универсал: Андрей за рулем, Катя рядом, я с Кайлом сзади. Оборотень ночевал в зале возле моей комнаты, и я всё время удивлялась, как такому громиле удавалось быть почти незаметным. Он весь день ходил в метре позади от меня, а мы с Катей даже не замечали его присутствия.

Василий еще утром сбежал из браслета. Таёжный был и его родиной. Жук пообещал вернуться к вечеру, если успеет обойти всех знакомых.

— Всё равно не пойму, почему мы едем на этой пузотёрке? В гараже нашего спортклуба стоят отличные джипы, — ворчал Кайл.

— Расслабься, — я легонько толкнула его локтем, — это просто машина. И Катю обижать не хочется...

— Ну-ну, — буркнул он, продолжая сканировать салон.

За окном дышала тайга.

Я смотрела и не могла оторваться от лесного великолепия. Дорога вилась между сопками, сосны касались низких облаков, их макушки тонули в легкой дымке. Где-то вдалеке блеснула река — темная, еще не замерзшая. Над водой поднимался пар.

— Красота какая, — выдохнула Катя. — Каждый раз забываю, как здесь хорошо.

— Ага, — отозвался Андрей, — только дорога как после бомбежки. Держитесь.

Машину тряхнуло на очередной колдобине. Я схватилась за переднее сиденье, Кайл напрягся.

— Может, пешком? — предложил он.

— До Унгары? — фыркнула Катя. — Сорок километров? Ты хоть и оборотень, но, может, не надо?

Кайл промолчал.

Тайга дышала, и я чувствовала это каждой клеточкой. Ощущала, как перешептываются ели, как снег ложится на мох, как возле берез проносятся стайки куропаток. Мой лес. Мой дом.

Мы поравнялись со старенькими жигулями: они ехали по краю дороги, то и дело ныряя в сугроб передним правым колесом. Андрей уже взял чуть левее, чтобы обогнать тихохода, как вдруг жигули резко вильнули в нашу сторону, будто водитель заснул за рулем или потерял сознание.

— Твою дивизию! — рявкнул Андрей, выкручивая руль.

Нас занесло. Катя взвизгнула, Кайл ругнулся, я врезалась головой в переднее сиденье.

— Куда прешь, олень?! — заорал Андрей в закрытое окно.

Жигули тем временем проскочили мимо в опасной близости. Машина проехала вперед, дёрнулась и зарылась носом в сугроб на обочине.

Из нее вывалился мужик в темной куртке и шапке-ушанке.

Мы остановились. В салоне повисла тишина, нарушаемая моим тяжелым дыханием.

— Цела? — Кайл ощупывал меня, проверяя, не ушиблась ли, не задет ли живот.

— Цела, — отмахнулась я. — Ты лучше посмотри, что с тем шофером.

Охранник вылетел из машины. Я выбралась следом.

Высокий, широкоплечий водитель жигулей тряс головой, пытаясь прийти в себя, и не сразу заметил надвигающегося на него Кайла. Тот схватил его за грудки и припечатал к капоту.

— Ты охренел? Здесь дорога, а не автодром!

— Кайл, отпусти! — крикнула я, подбегая. — Не надо!

Парень вдруг замер, уставился на меня и выдохнул:

— Милана?

Я застыла.

Это лицо, глаза... Широкие скулы, русые кудри, выбивающиеся из-под шапки, и улыбка — растерянная, не верящая, счастливая.

— Димка? — воскликнула я. — Орлов?

Кайл ослабил хватку, но не отпустил.

— Вы знакомы? — рявкнул он.

— Да! Это мой друг! Школьный друг!

Охранник нехотя разжал пальцы. Димка сполз с капота, поправил куртку и уставился на меня так, словно встретил принцессу.

— Морозова! — воскликнул он. — Не может быть... Ты... ты почти не изменилась!

— А ты — наоборот!

Я помнила его еще пухлым, круглолицым пареньком, вечно возившимся в гараже и мечтавшим о карьере автогонщика, но сейчас передо мной стоял настоящий русский богатырь — высокий, широкоплечий, с уверенной осанкой и красивым мужественным лицом.

Он шагнул навстречу, и мы обнялись. Я почувствовала, как колотится его сердце.

— Ланка! — он отстранился и заглянул в лицо. — Где ты пропадала? Что с тобой случилось? Я же искал тебя после школы...

— Долгая история. Очень долгая.

— Лана, — Катя с Андреем настороженно поглядывали на моего школьного друга. — Ты в порядке?

— Да, — я улыбнулась. — это Димка. Одноклассник. Помнишь его?

— Бывший одноклассник, который чуть не угробил нас всех, — съехидничал Кайл.

Орлов виновато потер затылок.

— Мужики, простите, ради бога. Заснул. Вообще-то, я профи, а сегодня... Не знаю, как это вышло. Честно, не специально.

— Да мы поняли. — Катюша застегнула на мне пуховик и заботливо поправила капюшон. — Главное, что все целы. Ты как сам-то?

— Живой, — кивнул Дима и мельком взглянул на мою правую руку. — Лана... Ты замужем?

— Да! Вышла недавно. И беременна! — я улыбнулась.

— Поздравляю. Кто счастливчик?

— Очень хороший и заботливый...

— Господин, — встрял Кайл, услышав заминку в моем ответе.

Я хихикнула, радуясь находчивости оборотня.

— Точно! Спасибо, Кайл.

— Господин? — Дима поднял бровь. — Звучит пафосно. Он что, банкир?

— Типа того, — я усмехнулась, уходя от ответа. — А ты как здесь оказался? Ты же на Алтай уехал после школы.

— Уехал, — кивнул Дима. — Но родители стареют, решил навестить. Сегодня трассу проверял, но не рассчитал немного... — он развел руками. — Судьба, получается.

Мы рассмеялись. Напряжение отпустило.

— Слушай, — сказал Дима, — а вы куда едете?

— На Унгари, — ответила Катя. — На реку захотелось, детство вспомнить.

— На Унгари? — глаза Димы загорелись. — Так я тоже! У меня там избушка охотничья, недавно построил.

Катя хлопнула в ладоши и воскликнула:

— Поехали с нами? Вместе веселее!

Орлов просиял:

— С радостью!

Кайл недовольно хмыкнул, но промолчал.

— Отлично! — Дима уже открывал дверь своей развалюхи, чтобы забрать рюкзак. — Я мигом!

Через минуту он втиснулся на заднее сиденье рядом с Кайлом. Охранник демонстративно отодвинулся и уставился в окно.

— Тесно у вас, — буркнул он.

— Зато весело, — прозвенела Катя.

Машина тронулась. За окном плыла тайга — белая, тихая, бескрайняя. А я думала, как странно устроена жизнь. Еще вчера я чувствовала себя обиженной и одинокой, а сегодня рядом Катя, Андрей, Кайл и — откуда ни возьмись! — Димка, старый друг.

— Милан, — тихо позвал Орлов, — расскажи, что случилось после школы? Ты тогда внезапно исчезла. Я искал...

— Расскажу, — пообещала я. — Только потом. Когда доедем.

Он кивнул и уставился в окно. Я смотрела на его профиль и вспоминала другого Диму — паренька, который помог мне улизнуть от Марка в то самое страшное утро. Тогда я еще не знала, кем для меня станет Велозаров, и бежала от него, спасая две жизни — свою и Алекса.

— Приехали, — объявил Андрей, сворачивая с дороги. — Дальше пешком.

Впереди за поредевшим лесом блестела Унгари.

Глава 13

Костер трещал, выбрасывая в небо снопы искр. Шашлык дымился на мангале, и запах жареного мяса разносился по берегу, смешиваясь с морозной свежестью реки.

Катя колдовала над салатами; Андрей переворачивал шампуры; Кайл сидел на поваленном дереве и точил нож — просто так, для важности. Дима подбрасывал ветки в огонь и рассказывал байки об алтайских охотниках.

— ...А медведь этот, говорят, ростом с избу был. Мужики местные его лет десять выслеживали. И вот нашли берлогу, зашли, а там...

— Хватит страшилки травить, — перебила Катя, расставляя тарелки с зеленью. — Сейчас есть будем.

Мы расселись вокруг костра. Кайл взял шампур, откусил кусок мяса и довольно зажмурился.

— Хо-ро-шо! — сказал он с набитым ртом. — Шашлык вкуснейший. Давно такого не лопал.

Мы захохотали и принялись уплетать Катины шедевры, нахваливая ее кулинарные способности.

Через несколько минут Кайл отошел шагов на двадцать, вытащил из кармана монетку и не глядя метнул ее в дерево. Кругляш вонзился в ствол ровно по центру.

— Ничего себе! — присвистнул Дима.

— Я, вообще-то, и не такое умею. — Кайл вернулся на место. — Могу показать, если не боитесь.

— Давай, — Дима поднялся, — но я тоже не пальцем деланный.

Орлов подошел к Кайлу, присел и выставил согнутый локоть, показывая готовность к армрестлингу.

— Серьезно? — усмехнулся охранник.

Он хмыкнул, сцепился ладонями с Димкой и даже не напрягся. Держал руку спокойно, мол, давай, покажи, на что способен. Орлов надавил. Запястье охранника качнулось, но устояло. Усмешка с губ Кайла сползла.

— Ого, — сказал он уже другим тоном.

Дальше началось странное.

Дима давил молча. Жилки на его шее вздулись. Кайл включился всерьез. Я видела, как напряглись мышцы под его свитером, как он уперся ногами в землю. Сейчас он уже не развлекался. Превратился в боевую машину. Ему удалось приложить немало усилий, чтобы кисть Орлова медленно легла на бревно.

Я смотрела на происходящее и не верила глазам. Кайл — оборотень, сильнее человека раз в десять. А Орлов — обычный парень...

— Димка! — заорала я. — Как это?

Кайл растерянно уставился на него.

— Ты боксер? — спросил он.

— Не, на Алтае медведей ворочал. А ты, парень, хоть и меткий, но против...

Он не договорил: Кайл вдруг расхохотался. Громко, облегченно, будто сбросил груз.

— Ладно, твоя взяла! — он хлопнул Димку по плечу, отчего тот качнулся. — Если быть честным, я просто размяться хотел.

Я поймала взгляд Кайла, брошенный на меня. «Ничего не понимаю. Он человек, я не почувствовал угрозы. Как?» — читалось в нем.

Охранник отвернулся, отошел к костру и сунул руки в карманы. С минуту смотрел на Димку, будто видел впервые. Потом дернул плечом и буркнул:

— Ладно. Бывает.

Вскоре Катя с Андреем взялись за руки и побрели по берегу, тихо переговариваясь. Я смотрела им вслед и улыбалась. Они были такие... правильные. Такие настоящие.

— Пойдем прогуляемся? — Дима кивнул в другую сторону.

Кайл сидел у костра и ворошил угли с таким видом, будто от его действий зависела судьба мира.

— Давай с нами? — обратилась я к нему.

— Конечно, с вами. Куда ж ты без меня?

— Тогда не подслушивай, — пошутила я.

— Да больно надо, — донеслось в ответ.

Я знала: он будет слушать и глаз не спустит. Ну и пусть.

Кайл поднялся с бревна и пошел следом — не рядом, но и не так далеко, дабы потерять нас из виду. Шагах в десяти. Достаточно, чтобы у нас была иллюзия приватности, но сам он мог в любой момент оказаться возле меня.

— Громила всегда за тобой ходит? — усмехнулся Димка.

— Всегда.

На перекате река не спала. Вода бурлила, пенилась, с ревом била о камни, клокотала в полынье, и ее волнение заполняло округу ровным гулом.

— Красиво тут. — Дима сунул руки в карманы куртки, глядя на эту живую бурную воду.

— На Алтае тоже красиво, но иначе. Там горы, скалы, размах. А здесь — тайга. Бескрайняя...

— Это точно. Ты надолго вернулся?

— Нет. Дела на Алтае надолго не отпускают, — Орлов пожал плечами и вдруг остановился, повернулся ко мне. — Миланка, а ты счастлива?

Вопрос не имел подтекста, но я почему-то замялась и наступила на мерзлую кочку.

— Да. Счастлива. Просто... порой выносить это счастье тяжело.

— Понимаю, — кивнул Дима. — У всех бывают сложности. Главное, чтобы друг друга любили.

— Согласна.

Мы замолчали. Прибрежный гравий хрустел под шагами.

Надо же... Я так радовалась встрече, столько хотела рассказать, а беседа не клеится, пустая какая-то. И вдруг в голове щелкнуло. Дурацкая мысль, но от нее поднялось настроение.

— Дим, — я остановилась, покосилась на Кайла и понизила голос до еле слышного шепота, — а что ты скажешь, если я... ну, не только вышла замуж и забеременела?

Орлов замер и прищурился:

— А что еще?

Я хитро усмехнулась, пряча ладони в рукавицы:

— Поверишь, если скажу, что я хранительница этой таежной красоты?

Я попыталась перевести слова в шутку, но голос дрогнул. Орлов же не улыбнулся, посмотрел долгим, спокойным взглядом.

— Отвечу, что ничуть не удивлен.

Я изумилась.

— В смысле не удивлен?

— В прямом. Помнишь, я в одиннадцатом классе на месяц уезжал к деду на Алтай?

Я кивнула. Еще бы не помнить: когда Димка вернулся, весь класс обсуждал, как он из пухлого тихони, которого никто не замечал, превратился в атлета.

— Это неспроста было, — продолжил Орлов, глядя куда-то сквозь деревья. — Дед меня тренировал. Водил по горам, показывал места силы. А однажды на стоянке к нам вышел мед-

ведь. Огромный, старый, матерый. Я думал, всё, отбежался. А он подошел, посмотрел на меня и склонил голову. Словно поклонился, словно я сильнее его!

У меня перехватило дыхание. Я сглотнула, чувствуя, как от услышанного мороз бежит по коже.

— Вот тогда дед и рассказал про Хранителей. Про силу, что по роду передается. Я после школы снова к нему уехал, и всё закрутилось, — Орлов развел руками, будто показывая масштаб произошедшего с ним. — Так что перед тобой не просто Димка-одноклассник, Милан. Перед тобой Хранитель Алтая.

Кажется, я открыла рот.

— Ты... — выдохнула я. — Ты серьезно? Не шутишь?

— Абсолютно.

Я чуть не подпрыгнула на месте. Бросилась к нему и прижалась к плечам.

— Дима, это же... это же невероятно! Думала, что я одна такая, а ты...

Он обнял меня в ответ крепко, но осторожно.

— Давай, — произнес он. — Теперь ты рассказывай.

И я рассказала.

О том, как стала Хранителем. О Марке, клане, оборотнях. О Терезе, лугару, совете. Не забыла сообщить, как попала в семнадцатый век и как мой ребенок помог нам заточить Харги в провал, откуда выбраться невозможно, а Марк сейчас молчит об этом, и я не понимаю почему. Я говорила быстро, без подробностей, перескакивала с темы на тему, будто хотела за минуту выпалить обо всех произошедших событиях.

Дима не перебивал, лишь изредка кивал, хмуря лоб. Когда я закончила, он долго смотрел на реку, потом поднял плоский камешек и запустил по тонкой кромке льда. Камень подпрыгнул три раза, упал в воду и утонул.

— Дим, а ты еще что-нибудь знаешь про таких, как мы? Про нашу силу?

— Знаю. Дед много рассказывал. Мы мост между миром людей и миром духов, что ли. Держим равновесие. Нас мало. А сила наша передается по крови. Про род Орловых из истории слышала? Я их потомок, а в тебе — кровь Морозовых. Поэтому нам нельзя ссориться. Ни в коем случае. — Он повернулся ко мне и взял за плечи. — Слушай. Твой Марк молчит про ребенка не потому, что стесняется его. Он просто боится. Если узнают, на что способен ваш малыш, за ним начнется охота. И не только со стороны оборотней, но и со стороны тех, кто захочет его силу использовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.